

**Дело о пропавшем
векселе,
выписанном на
предъявителя**

18+

Чистяков Сергей

Сергей Чистяков
Дело о пропавшем векселе,
выписанном на предъявителя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69658423

SelfPub; 2023

Аннотация

Дело происходит в первых числах сентября 1909 года на борту идущего вверх по течению речного парохода «Сибирь». В течение одного дня, длинной холодной ночи и бесконечного туманного утра здесь произойдёт «нечаянная авария», череда преступлений и блестящее этих преступлений расследование князем Алексеем Алексеевичем Лепехиным, бывшим в прошлом директором департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, а теперь государственным преступником, следующим под конвоем к месту отбытия ссылки в город М. Князя сопровождают в пути супруга Екатерина Дмитриевна с родным братом князем Сергеем Дмитриевичем Русовым.

Сергей Чистяков

Дело о пропавшем векселе, выписанном на предъявителя

...вверх по великой могучей реке.

Действие пьесы начинается и завершается на борту речного парохода «Сибирь». В течение одного очень длинного дня, длинной холодной ночи и бесконечного туманного утра здесь произойдёт «нечаянная авария», череда преступлений и блестящее их расследование князем А. А. Лепехиным, бывшим в прошлом директором департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, а в настоящее время государственным преступником, следующим под конвоем к месту отбытия ссылки в М.

Пароход с таким названием бесполезно искать в списках речных пароходств – он без места приписки. Так же не стоит пытаться найти в фамильном древе древнего рода Лепехиных нашего главного героя Алексея Алексеевича – он плод фантазии автора, впрочем, как и все остальные действующие

щие лица:

Пассажиры буксирно-пассажирского парохода «Сибирь»

Князь Лепехин Алексей Алексеевич, 45 лет, ссыльно-поселенец (*государственный преступник, частично пораженный в правах**, направляется к месту пребывания ссылки в городе М.)

Княгиня Лепехина (*Русова*) Екатерина Дмитриевна, 43 года, супруга А. А. Лепехина (*добровольно следует вместе с супругом в М.*)

Князь Русов Сергей Дмитриевич, 47 лет, брат Е. Д. Лепехиной (сопровождает сестру в поездке в Сибирь)

Николай Иванович Савельев, 29 лет, купеческий сын
Корчагин Сергей Иннокентьевич, 43 лет, вахмистр** транспортной жандармерии

Страхов Пётр Силантьевич, 35 лет, унтер-офицер транспортной жандармерии

Экипаж парохода «Сибирь»

Шилов Василий Васильевич, 37 лет, командир***

Маликов Николай Михайлович, 26 лет, второй помощник (*старший машинист*)

Макаревич Александр Илларионович, 51 год, боцман

Барсуков Ефимий Карпович, 24 года, матрос-намётчик
Зверев Павел Ефтимьевич, 27 лет, матрос
Чепчугов Григорий Дмитриевич, 25 лет, фельдшер
Струмилов Иван Егорович, 34 года, буфетчик
Хохлов Алексей Павлович, 19 лет, стюард (*салон, I класс*)
Белов Василий Ильич, 49 лет, лоцман

Баржа тюремного ведомства № 2 («Параша»)

(в качестве сменного караула квартируют в третьем классе «Сибири»)

Одернү Вадим Алексеевич, 26 лет, подпоручик, старший конвойной команды

Ситин Владимир Иванович, 24 года, нижний чин конвойной команды

Унтер-офицер конвойной команды

Нижний чин конвойной команды

** то есть свободу отобрали – а титулов, наград и имущества не лишили;*

*** вахмистров отделения назначали из особо надёжных унтер-офицеров;*

**** до революции капитанов речных пароходов и самоходных барж именовали командирами, а почему так сложилось – тайна.*

Вступление.

На низком носу парохода с коротко обрубленным бушпритом, на который лапой накинута малый «адмиралтейский» якорь, широко расставив для устойчивости ноги пристально смотрит вдаль матрос-наметчик Барсуков. Спереди его окатывают брызгами пенные буруны. Сзади слышится монотонный размашистый гул паровой машины и глухие шлёпанья приводных колёс.

Маликов. *(издалека)* Намёт!

Барсуков кидает вперёд отмеченную равномерно повязанными узелками верёвку с грузиком на конце и сразу начинает вытягивать обратно.

Барсуков. Двенадцать с полтиной! Скорость – семь и два!

Маликов. *(издалека)* Намёт вправо!

Барсуков. *(бросая намёт вправо по курсу и вытягивая назад)* Двенадцать с четвертью! Семь и два!

Маликов. *(издалека)* Намёт влево!

Барсуков. *(бросая намёт вправо по курсу и вытягивая назад)* Девять и три четверти! Семь и ноль!

Маликов. *(издалека)* Разминулись!?

Барсуков. Разминулись. Идёт по левому борту. Затягивает...

Маликов. *(издалека)* Шест на отчал!

Барсуков. *(хватая с палубы длинный шест и упираясь им во что-то в воде)* Есть отчал! *(начинает вытягивать шест из воды)* Сносит мимо!

Звучит протяжный гудок мощной «сормовской» машины. Над освещённой ярким сентябрьским солнцем широкой, распротёршей свои рукава между пологих островов, покрытых всеми оттенками оранжевого и коричневого цветов порослью вязов, тополей и сочной облепихи, сильной сибирской реки уверенно пробирается вверх по течению низкой осадки белый двухпалубный колесный пароход, догоняющий сносимый ветром вбок впереди по курсу шлейф белёсо-серого дыма от сгорающих в котлах сухих сосновых дров. Пароход тянет за собой на толстом канате привязанную сзади замызанную, неуклюжую, крытую двухскатной тесовой крышей речную баржу. Дым застилает всё пространство между зрителем и пароходом, растворяя в навалившейся мгле всё в мире существе. Звуки испуганно тают...

Часть первая.

Помещение капитанского салона парохода «Сибирь». Вторая палуба. Носовая часть. В плане помещение напоминает трапецию со скруглёнными наружу боковыми гранями. Стены, пол и потолок дощатые, с хорошо пригнанными дос-

ками. Пол светлого выскобленного дерева, потолок и стены – крашены белой краской. Вершиной своей имеет стену с двумя широкими, занимающими почти всю верхнюю половину стены панорамными окнами в тёмно-коричневых рамах, ориентированных по ходу движения судна. Перед окнами виден краешек носа парохода с коротким бушпритом, на котором закреплён якорь. Выпуклые боковые стены имеют слева по борту три небольших прямоугольных окна, по правому борту – два окна и крашенную белой краской одностворчатую филёнчатую дверь, в верхней своей части остеклённую. Поперек всего помещения расположен прямоугольный обеденный стол с восемью стульями, двумя консолями по углам короткой стены помещения, поставец с папиросами и несколькими бутылками спиртного в ближнем углу. В центре слева и прямо напротив от входа висят высокие простенные зеркала. В дальнем углу – пианино с табуретом. Два кресла и небольшой шахматный столик слева от двери. В глубине две глухие филёнчатые двери, ведущие в каюту капитана и уборную.

В кресле возле двери сидит Лепехин. Напротив, на табурете, за пианино, спиной к зрителю сидит Лепехина. Стол к обеду на пять персон накрывает буфетчик Струмилов.

Лепехина. (играет и поёт популярный в этот исторический период романс авторства Марии Яковлевны Пуаре-Свеишниковой)

Я грущу. Если можешь понять
Мою душу, доверчиво нежную,
Приходи ты со мной попенять
На судьбу мою, странно мятежную.
Мне не спится в тоске по ночам,
Думы мрачные сон отгоняют,
И горячие слёзы невольно к очам,
Как в прибое волна, приливают.
Как-то странно и дико мне жить без тебя,
Сердце лаской любви не согрето;
Иль мне правду сказали, что будто моя
Лебединая песня пропета.

Лепехин докурил. Лепехина повернулась от пианино.

Струмилов. Нервничают все, Ваше Сиятельство... «Сибирь» наша две последние недели находилась «в линии» (бросил взгляд на недоумённого Лепехина), ну то есть, на якорной стоянке находились мы... А ведь уже конец навигации, все спешат, все торопятся...

Мы же по казенному фрахту (начинает сервировать стол возле Лепехина, понизив голос и доверительно сообщая), однако, с того момента, как камергера Его Величества, действительного статского советника Гирс Александра Николаевича два месяца назад сменил на посту Губернатора Енской губернии действительный же статский советник Боло-

говский Яков Дмитриевич – приключилась длительная чехарда в верхах с ревизией и до Тюремного ведомства как-то не доходило дело, к тому же губернский прокурор, не нашедший общего языка с новым-то – запросился в скоротечную отставку, которую всё никак не могли утвердить в Сенате, и потому перестал исполнять службу, в следствии чего комплектация «Параши» (*смутившись*) – это мы так баржу тюремную именуем между собой, затянулась и только третьего дня была закончена... Однако команда на отплытие всё никак не поступала, так как ходили слухи, что ожидали какого-то сверхсекретного арестанта, о которой лично сам Губернатор через своего адъютанта ежедневно справлялся по телеграфу, уточняя дислокацию и ожидаемое время прибытия (с полупоклоном), ну то есть Ваше Сиятельство ожидали-с...

Лепехин. (*тихо, подстраиваясь под манеру речи буфетчика*) В то время как я двигался в вашу сторону неспешной скоростью...

Струмилов. (*кивнув головой*) Нервничали все... (*отходя к противоположному краю стола*) Хозяин наш, Николай Николаевич Шилов – тот нервничал днями у себя в парходной конторе, запивая нервность по вечерам дома или в клубе Общественного собрания. Будь «Сибирь» зафрахтован к буксировке каким ни будь купчишкой – давно бы уже с ним расплевались и в суде вытрясали убытки... Однако-ж фрахт, будучи казённым, такого спешного к себе решения не терпит

– разорвать казенный фрахт конечно можно, вот только случается это лишь один раз в жизни коммерсанта. Вдругорядь такого уже не заключить будет...

Входит стюард Хохлов с чистой посудой на подносе. Струмилов жестом показывает ему, куда ставить поднос, и, дождавшись исполнения приказа, жестом же отсылает стюарда вон.

Струмилов. Командир же наш, Василий Васильевич – тот нервничал в окружении семьи у себя на даче, под городом, наезжая лишь только по утрам проверять состояние своего хозяйства...

Без стука открывается дверь, входит капитан парохода Шилов.

Струмилов. *(Шиллову)* Всё накрыто в наилучшем виде, Василий Васильевич! Сейчас пойду справлюсь о готовности... С закусок начнёте?

Шилов. *(Лепехину)* Вы голодны? Алексей Алексеевич, Екатерина Дмитриевна!?

Лепехин. *(встав из кресла)* Благодарю, Василий Васильевич, не голоден... *(посмотрел на супругу, поправился)* Не голодны!

Струмилов. Я Их Сиятельствам, Василий Васильевич, с

вашего позволения, предлагал к поставцу прямиком проследовать и выбрать чем горло смочить-с...

Лепехин. (*прерывая Струмилова*) Мы отказались. Не в правилах хорошего тона начинать без хозяев.

Шилов. Я здесь не очень-то и хозяин, на самом деле...

Шилов. (*Струмилову*) Иван Егорович, справьте меня, пожалуйста, на счёт холодного – что у вас там припасено на сегодня?

Струмилов. В Караульном сегодня зелени взяли разной. Вся свежая. Есть утка под рыжиками, телячья печёнка с рубленным лёгким... Икра есть, но не советую-с. Яиц сварили. Взяли в Караульном же.

Шилов. (*Лепехину*) Всё к водке! Могу Вам предложить из графинчика? А вам, Екатерина Дмитриевна? Для формирования аппетита – может быть вина столового? У меня здесь не припасено, но... (*Струмилову*) Вина принесите. Я знаю у вас хорошее крымское есть... И подайте телятины мелко нарезанной и рыжиков. А утку оставь. (*Лепехину*) Вы как, Алексей Алексеевич?

Лепехин. Благодарю, Василий Васильевич, отличный выбор! Присоединюсь. (*супруге*) Катя!?

Лепехина. Мне всё равно...

Лепехин. (*супруге*) Ну, ведь хандра – она всегда заканчивается! Не в дикий край едем... Я уверен, что мы там хорошо устроимся. И девочек вскорости выпишем... Сергей поможет... Везде есть хорошие люди!

Струмилов, поклонившись, скрывается за дверь.

Шилов. *(заговорищицки)* Утка наверняка та, что вечером пом. мех. подстрелил. У него в патронах дробь мелкая, намучаемся... *(Лепехину)* Прошу к поставцу, Ваше Сиятельство! *(начинает колдовать с рюмками, графинами и жидкостями)* Отчаиваться не стоит... Мне сложно судить, как вы воспринимаете здешнюю Сибирь и как видите себя в ней, но могу сказать одно точно – Сибирь не Россия! Мы здесь к преступникам относимся по другому – к каторжанам и арестантам, что задыхаются днями и мерзнут ночами в привязанной к нам «Параше» сибиряк испытывает невыносимую жалость и сострадание, к ссыльным же, особенно к тем, кто не сидит на ровном месте, а желает трудиться так, как он это умеет и понимает – мы, Ваши Сиятельства, бесконечно рады! Да, да – рады! Ничего у нас здесь не было бы, кроме примитивного передела, навроде добычи и перепродажи пушнины да золота. Никогда бы не было. По своей воле образованные люди сюда не поедут, а за деньгбй сюда из России едет только что разная шваль... Образованные же ссыльные учат нас и наших детей тому, что важно для человека – в первую очередь самой человечности, а уж потом и грамоте с арифметикой. Вы сейчас приедете в М. – а там всё, абсолютно всё, что сделано для того, чтобы этот городок отличить от огромного ежедневного торжища – сделано ссыльными. Людьми! И так

езде по Сибири! Поэтому и вам я тоже бесконечно рад, и готов всячески вашей участи способствовать...

Стук в дверь. Шилов отходит в центр салона. Входит Струмилов и ставит на прилавок поставца тарелки с закуской. После кланяется и выходит, прикрыв за собой дверь. Шилов приглашает жестом к прилавку. Лепехин встает из кресла и Шилов передаёт ему рюмку.

Шилов. *(поднимая рюмку)* Ваше здоровье, Екатерина Дмитриевна! Ваше здоровье, Алексей Алексеевич!

Лепехина. Благодарю!

Лепехин. Благодарю!

Мужчины выпили водки, закусили.

Шилов. К тому же и сам сибиряк очень часто – потомок варнаков и лиходеев...

Лепехин. Благодарю, вас, Василий Васильевич – я удивлён! Такой откровенности в суждениях в Западных областях не услышишь. Это накладывает на нас с супругой дополнительные доверительные обязательства по отношению к вам. И вот что, Василий Васильевич – не зовите меня здесь титулом. Право же мне от него здесь неловко.

Шилов. Не смогу, извините! Тем более что перед тем, как вас доставили ко мне, в пароходство наведывался сам адъ-

ютант нашего Превосходительства Губернатора с чёткими инструкциями о том, как надлежит сотрудникам пароходства себя держать с Вашими Сиятельствами – дескать необходимо соблюдать положенное титулу отношение, ибо по решению Сената поражены вы в правах лишь частично, с сохранением титула и всего состояния... Сигары, папиросы? Угощайтесь.

Лепехин. *(усаживаясь в кресло возле двери)* Благодарю, я сейчас, ожидая вас, одну выкурил. И потом, после пребывания в тюремных камерах тяга к табаку заметно уменьшилась...

Заглянул в дверь матрос Зверев.

Зверев. *(Шилову)* Вас, Василий Васильевич, стар. мех. в рубку просит... Скоро Батеневская пристань.

Шилов. *(Лепехину, вставая)* Я отлучусь по служебной надобности! Если обед будет готов раньше чем я освобожусь – приступайте не задумываясь...

Шилов вслед за Зверевым выходит из салона. Поднялась и прошла к выходу Лепехина.

Лепехина. Алекс, я пошла умываться... *(поцеловала супруга)* Не скучай!

Лепехина вышла и закрыла дверь. Лепехин встал из кресла и подошёл к панорамному окну. Стал слышен рокот паровой машины и частые шлепки приводных колёс по воде.

Макаревич. *(издалека)* Барсуков! Пень в коромысло! Вперёд смотри... Не зевай! На Батеневской стремнине всегда кряжи тащит по дну...

Без стука, резко открывається дверь и в салон крадучись просачивается купеческий сынок Савельев. Звуки парохода резко пропадают. Лепехин оборачивается к вошедшему.

Савельев. *(Лепехину, заговорищски)* Очень удачно, что я вас застал одного, Ваше Сиятельство! У меня к вам, князь, очень важное дело, порученное мне моим отцом. И дело это негласное. Но я не требую от Вас каких-то особенных обязательств, а просто полагаюсь на вашу порядочность... Мой отец, как вам, возможно, известно – компаньон по некоторым предприятиям с хозяином парохода, на котором мы сейчас плывём – это делает меня в некоторой степени привилегированной персоной... Взять хотя бы возможность обедать в салоне командира – а не в общем буфете.

Лепехин. Так что вам угодно, Пётр Силантьевич?

Савельев. Дело в том, что мой отец хотел через меня выяснить у вас, насколько хорошо вам знаком князь Всеволод Николаевич Шаховский?

Лепехин. Чиновник особых поручений Управления внутренних водных путей?

Савельев. Да, он...

Лепехин. Только шапочно, мы не были официально представлены друг другу...

Савельев. То есть вы его знаете!?

Лепехин. Милейший Пётр Силантьевич! Встречаться изредка в коридорах министерств, ни единожды не заговорив и не имея близких связей – это значит что мы знакомы только так, чтобы узнавать друг друга по внешнему облику. Или, говоря простонародно – иметь шапочное знакомство!

Савельев. Что же мне делать!?

Лепехин. А что вы хотели сделать? Зачем вам подробности о мелком порученце не самого важного управления?

Савельев. Вот, извольте ли видеть – мой отец прослышал о том, что Николай Николаевич Шилов, владелец Пароходства и компаньон моего отца по приискам на реке Удереи, сносясь с этим князем Владиславом, намеревается создать синдикат в нашей губернии. С привлечением иностранных капиталов... Слухи ходят уже давно, – а доподлинно о том узнать не у кого!

Лепехин. От меня вы, Пётр Силантьевич, вы ничего узнать не сможете...

Савельев. Моя поездка в М. предполагалась не ранее весны следующего года, как связанная с геологической разведкой приисков на реке Амыл. Я видите ли, по настоянию отца,

отучился на горного инженера и сейчас мне доверено найти участки для развития самостоятельного от Шилова дела. Однако, когда отец узнал в Пароходстве, что на «Сибири» в М. проследует такая высокопоставленная особа как вы, он мгновенно снарядил меня в дорогу, с рекомендацией наладить с вами отношения и разузнать как можно больше о сношениях Шилова и Шаховского.... Я понимаю, что наверно вам кажется смешным моё признание, однако плести заговоры и интриги я совершеннейшим образом не умею! О чём нижайше прошу Ваше Сиятельство меня простить!

Лепехин. Вам не за что просить прощения...

Савельев. И хорошо, знаете ли! Вы всегда можете рассчитывать на нашу семью, Ваше Сиятельство! Мы не последние люди в губернии, и связи имеем... Папаша мой вот только телеграфировал вчера утром в М. управляющему тамошним отделением «Сибирского банка» и сразу к моему приезду обещана быть сумма не менее семи тысяч рублей... А получить её мне не составит труда, так как векселя, опять же, подписаны моим отцом... Я пока ещё сам не завёл связей в банках, можно даже сказать что меня никто ещё и в глаза не видывал... Однако-ж как держателя векселя отца буду принят... И честно скажу, в случае успеха нашего с вами разговора у меня припасён для вас вексель на предъявителя! И будьте покойны – вексель будет принят без сомнения в подлинности! Такова репутация нашей семьи!

Лепехин. Это замечательное предложение, Пётр Силан-

тьевич! Однако я в очередной раз вынужден вам объявить, что помочь вашему делу ничем не смогу...

С предваряющим громким стуком распахивается дверь и на пороге буфетчик Струков с судком в полотенце и подталкивающий его вперёд князь Русов.

Русов. А вот и горячее! *(кивая на смущённого Струмилова)* Топтался под дверью, не рискуя зайти... *(Струмилову)* Видите, любезнейший! Никто вас здесь не съест... *(Лепехину)* О каком это ты деле здесь, Алексей!?

Струмилов установил судок в центр стола и вопросительно замер.

Лепехин. *(Струмилову)* Капитан рекомендовал нам начинать без него, однако я полагаюсь на ваше усмотрение... *(Русову)* Да вот, наш Пётр Силантьевич интересуется, не знаком ли я был по Петербургу с князем Шаховским, Всеволодом Николаевичем...

Струмилов. Тогда позвольте, я буду разливать? Сегодня борщ!

Русов. *(Струмилову)* Разливайте, милейший, разливайте... *(Лепехину)* А ты был знаком?

Лепехин. Экстерьерно – да!

Русов. Ну этот субъект в роли докладчика от министер-

ства транспорта мне по началу думской практики запомнился... Что-то он тогда про развитие водного транспорта и привлечение иностранных капиталов говорил... В русле идей Витте! Катя где сейчас!?

Лепехин. Пошла умыться...

Струмилов. Господа, пожалуйста к столу...

Русов. Сейчас Екатерину Дмитриевну дождёмся и приступим... К вашему борщу! Вы, милейший, можете ли справиться у нашего хозяина, когда его ждать?

Струмилов. *(выходя спиной вперёд в дверь салона)* Сию минуту, Ваше Сиятельство!

Струмилов закрыл дверь. Русов прошёл следом, приоткрыл дверь и осмотрелся вокруг.

Русов. Определённо подозрительный тип этот буфетчик! Подслушивал вас под дверью когда я подошёл. *(увидел в окне прошедшую мимо окна Лепехину)* А вот и Катя идёт! *(входящей Лепехиной)* Здравствуй, Екатерина Дмитриевна!

Лепехина. *(обнимаясь с Русовым)* Ты только встал?

Русов. Нет, часа два уже просидел над статьёй... Проголодался зверски!

Лепехина. Нужно было приходиться к завтраку, братец... Завтрак был замечательный...

Русов. Не хотел отвлекаться – заказал себе кофе в номер... Давайте садится – борщ остывает...

Лепехин. Вы как, Пётр Силантьевич?

Савельев. Ну, если командир Шилов распорядился его не ждать, – то тогда конечно, давайте обедать...

Рассаживаются за столом, начинают неторопливо есть. Стук в дверь. Входит стюард Хохлов.

Хохлов. Прикажете второе подавать?

Русов. *(барственно)* Несите, милейший.

Сзади за Хохловым возник Шилов.

Шилов. *(командирским голосом)* Господа правы! Несите второе... *(виновато)* Эх вы вздрогнули то, Хохлов! *(покровительственно)* Ну ничего, ничего... Несите... Что у вас там на второе?

Хохлов. Иван Егорович распорядился вам поджарку из говядины в томатном соусе с ломтиками картофеля во фритюре!

Шилов. Неси... И вина для княгини не забудь! Я Струмилову говорил...

Хохлов с поклоном скрывается за дверью.

Шилов. Ну, что же, господа... И дамы! Борща! *(наливает себе из супницы половником)* Хорош... Не остыл ещё!

Грешен, люблю борщ... Даже упросил супругу свою на даче свеклу выращивать... Сметана хороша! Екатерина Дмитриевна! Позвольте вам предложить добавки!

Лепехина. Нет, спасибо, Василий Васильевич!

Шилов. Ну, как угодно!

Хохлов вносит на подносе тарелки с вторым блюдом.

Шилов. Вовремя! Подавай...

Хохлов начинает раздавать второе.

Шилов. (*поднимаясь и подходя к поставцу*) Предлагаю, вам, господа, для аппетита к перемене блюд белого! Поддержите меня? Алексей Алексеевич!? Вы как на это смотрите?

Русов. Если говорить обо мне, Василий Васильевич, то я скажу так – самое время! Я за!

Лепехин. Поддержу, пожалуй...

Савельев. Не возражаю...

Шилов. Вот и замечательно... Екатерина Дмитриевна! Вы как? Наш буфетчик что-то с моим заказом об вине не торопится... Может настойки? Есть рябиновая и клюквенная...

Лепехина. Спасибо, к десерту, пожалуй...

Шилов. (*Хохлову*) Алексей, передай Ивану Егоровичу о моей просьбе для Их Сиятельства Екатерины Дмитриевны вина... Помоги-ка мне с рюмками!

Хохлов, как раз закончив раздавать второе, помог Шилову разлить по рюмкам водку и разнести по столу обедающим. Вернулся к поставцу и замер вопросительно.

Шилов. (Хохлову) Ты чего!?! А, иди, иди... Про вино не забудь!

Хохлов выходит из салона.

Шилов. (садясь на своё место) Ну, что же, господа, тост!?

Русов. Какой же?

Шилов. Наш, тост... Полозней речных, что по закоулкам великой реки петляют: «Чтоб, значит, без мелей, без коряг...»

Русов. Ну что-ж, такой тост и сухопутному сгодится!

Мужчины выпили и принялись с аппетитом есть.

Шилов. Нервы, у нас, господа, на пределе... У меня механик в трюме, комиссованный после японской... Рассказывает, что при тралении минных заграждений возле Порт-Артура пили не останавливаясь! Для траления выделялись самые никчёмные посудины, для моря зачастую не приспособленные... Говорит даже такими как наш речными пароходами тралили... Осадка у них подходящая... Низкая... А как

«Петропаловск» с адмиралом Макаровым и художником Верещагиным подорвался – так вообще... Мы по реке, особенно идя в верховья, идём очень медленно и по ночам отстаиваемся в заводях потому, что даже при наличии выпущенного два года назад подробного атласа с картами и описаниями... И при наличии лоцмана... Или иногда даже двух – ползём постоянно обшаривая впереди себя наёмом дно – потому что река живёт своей коварной жизнью.

Легко можно наткнуться на мель, остров или косу, образующиеся на реке ежегодно и при том в таких местах, где казалось невозможно их встретить... Что сбивает с толку и заставляет спиваться вчистую от постоянного ожидания опасности самого опытного и бывалого лоцмана и капитана. Работники нашего Пароходства в шестом году предъявили экономические требования, в частности – добавить по одному помощнику капитана и наёмчику на пароходы, увеличить зарплату кочегарам... Конечно же получили отказ... В итоге забастовали и «казённые»... *(посмотрел на недоумевающих присутствующих)* Это работники казённого пароходства, что строит мост и по Ангаре к Байкалу грузы доставляет для нужд железной дороги...

Лепехин. Странно как-то требования выставили ваши забастовщики – разве в их понимании помощники капитана – не «шкуры»?!

Шилов. Помощники на речных судах – на своём мастерстве жизни людей и парохода держат... До забастовки мы с

двумя помощниками обходились, в две вахтенные смены – и люди сильно уставали за день... Бдительность притуплялась... Сейчас у нас в Пароходстве три дневные смены вахтенные. И всем поспокойней стало...

Лепехин. Получается что вы поддерживаете выступление работников?

Шилов. Объективно – да! Но в открытую об этом мне заявлять не следует... Даже в частных беседах...

Русов. Наушничество!?

Шилов. Так точно... (*прислушался к звукам за дверью*) А вот про кого вспомнишь – тот и тут как тут!

Негромкий стук в дверь. Заглядывает в салон Струмилов.

Струмилов. Василий Васильевич! Ничего не нужно?

Шилов. Большое спасибо за обед, Иван Егорович. Мы с гостями отобедали.

Струмилов. Можно убирать-с?

Шилов. Убирайте...

Струмилов. (*проталкивая вперёд себя Хохлова*) Вперёд, Алёшка! Быстро, быстро... (*Шилову*) Пассажиров первого класса и старших членов команды покормили-с.

Шилов. Прекрасно! А вина для княгини почему не несёте!?

Струмилов. Простите, Василий Васильевич... Только управились с обедом... На такую работу нас двоих с Алёш-

кой не хватает...

Шилов. В Вашей власти, Иван Егорович, себе ещё нанять человека. Не жалуйтесь о своём предприятии понапрасну. Не поверю!

Струмилов. Так с третьим ртом, Василий Васильевич, – никакой прибыли не будет от буфета! Разорюсь!

Шилов. *(ворчливо)* Слышал уже всё это... Слышал! Уберите быстрее со стола и уже наконец вина какого ни-будь моей гостье несите!

Струмилов и Хохлов быстро собрали грязную посуду с остатками еды в две объёмные корзины и вышли из салона. Шилов закрывает за ними дверь.

Шилов. Ну, что же, гости дорогие... А теперь попрошу вас составить мне компанию в вист! По вчерашнему дню у нас хорошие пары сложились – а посему спрошу всех... Будем пары разыгрывать или как вчера продолжим!?

Шилов подошёл к двери, открыл её и осмотрелся. Увидел прохаживающегося по галерее второй палубы вахмистра Корчагина.

Шилов. (Корчагину) На службе, вахмистр! А то пройдите в буфет, от моего имени угоститесь... Там только буфетчику заявите что от командира...

Корчагин. *(издалека)* Благодарю, господин капитан, я на службе...

Шилов. *(закрыв дверь и возвращаясь к столу)* Ну-ну, на службе он! Жандарм он и есть жандарм... *(закурил папиросу)* Но оно и к лучшему, при нём никто под дверью и окнами шататься не станет... *(взял с поставца колоду карт и принялся раздавать присутствующим)* Буфетчик не дай бог подслушает или ещё кто – донесут моему дяде всенепрременно! Мы с хозяином Пароходства через прадеда своего, уроженца Владимирской губернии, князя Шаховского крепостного крестьянина Петра Шилова роднимся... *(Савельеву)* Пётр Силантьевич, будьте любезны, сдайте карты...

Был прадед мой Пётр Шилов бурмистром в деревеньке из семнадцати дворов. Однако-ж сумел себя выкупить, отпросившись у хозяев в сорок четвёртом году со старшим сыном в наши места на золотой промысел. И через два года, в сорок шестом году, получается, вместе с тремя своими сыновьями Герасимом, Тимофеем и Василием... И их семьями... Выкупил, получается, весь свой род и перебрался сюда насовсем. С тех пор чем бы не занимались потомки Петровы – а страсть к золотодобыче не оставляют...

Лепехина играет на пианино бесконечно длинную шотландскую балладу. Мужчины за столом играют в «коммерческий» вист.

Савельев. *(сдавая карту)* Поговаривают, что прадедушка ваш не сам фарт нашёл, Василий Васильевич – а чужой отнял...

Шилов. Поговаривают... Да кто-ж теперь о том правду скажет!?! Так навсегда в легенде и будем жить... Но это основной род, купеческий... А с ответвлений боковых не всем предпринимательская удача улыбается. Меня вот и калачом не затянешь в предпринимательский риск... Дом уютный, семья крепкая – мне покойная жизнь милее... А статус в обществе – его и через служение можно держать... Капитан флагманского судна Пароходства – через это почёта и уважения побольше чем у удачливого купца можно найти... Если искать, конечно...

Савельев. Через служение, Василий Васильевич, капитала не накопишь!

Шилов. Что верно – то верно... В возрасте шестнадцати лет меня к себе покойный отец хозяина нашего к себе приказчиком взял... Мог бы и через приказчицкую службу в партнёры или в своё дело выйти... Однако-ж призвали в двадцать два года на службу Государю, а я своей родне и откупаться запретил... Гордость молодечная да глупость... Попал матросом на Балтику. Несколько флотских специальностей там освоил... Море полюбил. Вот эту всю машинерию, что нас здесь окружает. Запах масла машинного перегретого да дыма прогорклого... Зимой, бывает, приеду на пароход в затоне, спущусь в трюм и сижу, запахом промёрзшего котла

надышаться не могу... Сижу, ноги от стылого металла мёрзнут – а я о лете мечтаю, о навигации нашей скоротечной. Тем и живу, господа!

Лепехина. А супруга ваша как же!?

Шилов. Жена моя, Антонина Семеновна, сейчас на даче, в Казачинском, рядом с моими родителями... Ждёт первенца...

Лепехина. О!

Русов. Bravo, капитан!

Шилов. *(смущённо)* Мы с ней два года назад поженились, в седьмом, после навигации. Она тоже из зажиточной семьи, девичья фамилия Кольчугина. У нее в М. жила тетя и некий жених-миллионщик. Весной шестого года, по началу навигации, собралась она туда в гости, чтобы обсудить вопросы о свадьбе. Поплыла на нашей «Сибири», капитаном которого меня только назначили. Я её заметил на палубе, вот на той скамейке, под окном моим. Читала книгу. Сел рядом, разговор начал. Но Антонина ушла от моей навязчивости в каюту... Но позже я её всё же вызвал на разговор, и все-таки привлек её внимание...

Русов. И что же, женились!?! А как же тайный жених-миллионер!?

Шилов. *(смущённо)* Антонина Семеновна всегда в разговорах наших о замужестве благодарит Бога, что надоумил её выйти замуж не за того миллионщика из М., так как он погиб вскорости...

Лепехин. (задумчиво) Какой поворот...

Деликатный стук в дверь. Вошёл фельдшер Чепчугов. Обозначил поклон.

Чепчугов. Вы позволите, господа?

Шилов. Слушаем вас, Григорий Дмитриевич?

Чепчугов. Да я вот собственно... Для Их Сиятельства княгини... Вы позволите? Ваше Сиятельство? От всей нашей команды, восхищённой красотой Екатерины Дмитриевны... И её игрой... *(вытягивает из-за спины руку с букетом обратился он к Лепехину)* Люпен вот, господа, сорвал на берегу. Эти двухлетки иногда зацветают дуриком в начале сентября. Редкость, знаете ли... *(Прошёл к консоли и в высокую китайскую вазу с грудастыми снегирями на изящном боку вставил несколько стеблей с цветочными свечками нежного сиреневого цвета)* Красиво в вазе смотрятся, не находите?

Лепехина. *(встав и подойдя к вазе)* Благодарю вас, э-э...

Чепчугов. Григорий Дмитриевич, Ваше Сиятельство!

Лепехина. *(протягивая руку для поцелуя)* Благодарю вас, Григорий Дмитриевич! Вы очень милы...

Савельев. Волчий цвет...

Шилов. *(поправляя Савельева)* Волчий боб. Местные татарские шаманы из него зелье варят для своих превращений.

Русов. Ядовитый?

Чепчугов. Что вы, Ваше Сиятельство! Коровы у русаков

их есть любят. Недохнут... Кержаки его в своих огородах сажают как живое удобрение. Почву азотирует...

Лепехина, понюхав цветы, возвращается на табурет возле пианино. Чепчугов, отойдя на несколько шагов к окну, внимательно осмотрел консоль с вазой. Подошел к простенному зеркалу возле пианино и немного поправил его. Поклонился Лепехиной. Заходящее солнце, отражаясь от зеркал, озарило вазу с цветами сквозь висящий в помещении табачный дым густым ярко-оранжевым светом.

Чепчугов. (Лепехиной) Сейчас как раз закатное солнце удачно светит. Очень красиво... От всей команды... Василий Васильевич! Разрешите уйти!?

Шилов. Конечно, конечно... Большое вам спасибо, Григорий Дмитриевич!

Чепчугов, пятясь, покидает салон.

Лепехина. (вдогонку фельдшеру) Большое спасибо, господин фельдшер! И всей команде парохода...

Шилов. (смущённо) Как же это я!? А сам не отследил, что цветов в вазе с начала похода нет... Хотя что на себя наговаривать... У меня обычно за этим буфетчик со стюардом следят... А тут что-то недоглядели!

Деликатно постуцав, в салон вошёл Струмилов, держа в руке корзину с винными бутылками и кульками.

Струмилов. Василий Васильевич, вот – как просили!

Шилов. Спасибо, Иван Егорович, спасибо...

Струмилов. Я вот для Екатерины Дмитриевны вина подыскал... *(проходит к поставцу и начинает выкладывать на него кульки и выставлять бутылки)* «Сотерн» и «Абрау», на выбор... Конфект ещё... В ассортименте... *(Лепехиной, гордо)* Есть из «Елисеевского»! Перед самым нашим отплытием на поезде доставлены!

Лепехина. Большое спасибо, Иван Егорович! Попробую непременно...

Струмилов. Всегда рад услужить-с, Екатерина Дмитриевна! *(Шилову)* Если что-то понадобится, отправьте подвахтенного... У меня в буфете Хохлов один не справится!

Обозначив поклон, Струмилов вышел, прикрыв дверь.

Русов. Василий Васильевич, а у какой ветви Шаховских ваши предки в зависимости были?

Шилов. А я, если честно – и не знаю... Знаю, что Владимирской губернии... А вы, Ваше Сиятельство, что же – Шаховских кого знаете?

Русов. *(уклончиво)* Род древний, обширный... Нет, из Владимирской губернии – никого!

Лепехин. Никто уже не считает князей на Руси... Продолжим?

Шилов, Лепехин, Русов и Савельев играют в вист. Лепехин проигрывает какие-то этюды на пианино.

Неожиданно, громко грянул хлопок револьверного выстрела. Осколки стекла мелко задребезжали, осыпаясь из оконной рамы. Ваза с «волчьими бобами» раскололась надвое, выбросив из себя брызги мутной воды. Стебли неряшливо упали на пол.

За окном раздался грозный рык вахмистра Корчагина. Послышались глухие удары и громкая брань. Все мужчины, кроме князя Русова, придерживающего испуганную Екатерину Дмитриевну выбежали из салона на палубу. Послышались невнятные возгласы и шум борьбы.

В салон ввалились растрёпанный Лепехин, за ним следом Шилов с дрянным льежским браунингом, который он удерживал за ствол перебирая пальцами, Савельев с вахмистром толкнули согнутого, с заломленной назад рукой нижнего чина караульной команды.

Корчагин. Вот же-ж паскудник! Всё рыло тебе в кровь... Черпак в переносицу! На тебе валета! Бьет кулаком согнутому солдату в ухо. Сгною!

Шилов. Спокойно, вахмистр... Остыньте!

Лепехин. *(садясь в кресло)* Господин вахмистр! Давайте всё же прежде выслушаем «стрелка»! Право же, выбить ему зубы всегда успеете!

Корчагин. Как изволите, Ваше Сиятельство! *(солдату)* Смирно встань, сволочь! Вот я тебе... Говори сейчас же Их Сиятельству – в кого стрелял!?

В кают-компанию с грохотом и ветром распахнутой рывком двери ворвался в не застёгнутом кителе без фуражки с табельным Смит-Вессоном в правой дрожащей руке подпоручик Одернй. За его спиной в проёме двери маячили две фигуры нижних чинов с винтовками.

Одернй. Ситин! С-сволочь! Смирна-а-а! *(всем присутствующим)* Кто стрелял!?

Корчагин. *(встряхивая обмякшего Ситина)* Он!

Одернй хуком послал свой изящный кулачок в челюсть Ситина, однако солдат дёрнул головой и удар пришёлся в передние зубы. Ситин съехал вниз по рукам вахмистра, потеряв сознание. Одернй смежно затряс ушибленной рукой.

Одернй. *(сквозь зубы)* С-сволочь! Хлебоволец несчастный...

Лепехин. Позвольте, поручик! Он что же у Вас, из анархистов будет?

Одернѹ. Так точно-с. Из сочувствующих. В прошлом году к нам переведѣн из Томской музыкальной роты после дела о растлении нижних чинов хлебовольцем Лебедевым. Под негласным надзором. *(конвойным у двери)* В каюту его! Сейчас до стоянки – там в карцер на «Парашу» переведѣм!

Корчагин. *(удерживая беспамятного Ситина левой рукой и правой неловко пытаясь достать револьвер из кобуры)* Э нет, господа хорошие! Он мой!

Одернѹ. *(вздѣргиваясь)* Это юрисдикция стражи!

Корчагин. *(не сумев высвободить револьвер потянулся за саблей)* Это дело жандармерии! Он стрелял в подконвойного! Я лично от чиновника по особым поручениям... *(увидел появившегося за спинами конвойных Страхова и ухмыльнулся)* Это дело на нас!

Одернѹ. *(конвойным)* Патрон дослать! Ружья на прицел!

Конвойные переглядываясь неохотно начали поднимать винтовки.

Корчагин. *(выхватив наконец свою драгунскую саблю)* Пѣтр Силантьевич, охолони-ка крупу! Это государево дело!

Страхов *(выхватив револьвер и саблю уперся ими в спины конвойных)*. Это мы сей момент, Сергей Иннокентьевич! Ружья брось! Кому сказал!

Шилов и Савельев. Господа, господа!

Одернѹ. *(упираясь животом в острие сабли Корчагина и*

направив ему в лицо револьвер, срывающимся криком) Шашку долой!

Корчагин (невозмутимо ухмыляясь и угрожающе прово-
рачивая саблю). Поручик! Это же сабля!

Одернй. (*недоумённо, переведя взгляд вниз*) А!?

Корчагин. (*подавшись вперёд и ударив гардой в челюсть*
Одернй) Получай!

Одернй упал и откатился к двери.

Корчагин. (*всем присутствующим*) Я перед губернатором
за князя ответ держу! А он перед Сенатом... Мне всё можно!

Шилов, Савельев и Лепехина. Господа, господа, господа!

Одернй. (*с рассечённой левой частью лица, лежа на боку,*
пытаясь прицелиться в Корчагина дрожащей рукой) А я те-
бя...

Страхов. (*смешавшимся конвойным*) Не балуй!

*В разбитое выстрелом окно просовывается сопло
брандспойта. Со свистом и рёвом струя воды сметает Кор-
чагина и прижимает его сверху на застрявшего в дверях
Одернй. Страхова и конвойных солдат уносит к лееру. Там
у них подбежавшие матросы начинают выкручивать из рук
оружие. Шилов, подскочив к Корчагину и Одернй отбросил
саблю, наступил на кисть со Смит-Вессоном подпоручи-
ка и выхватил из кобуры вахмистра револьвер. Напор воды*

ослаб.

Шилов. (*громко, зычно*) Вахтенный начальник! Николай Михайлович!

Маликов. (*с мостика*) Я!

Шилов. Попытка бунта на судне! Подвахтенной команде разоружить дебоширов! Очистить вторую палубу! Пассажи-ров в каюты!

Маликов. (*показавшись в дверном проеме на фоне удер-живаемых матросами обезоруженного жандарма и конвой-ных*) Здесь, Василь Василич!

Шилов. Конвойных и жандармов в трюм. Рассадите с но-са и кормы в дровяниках. Этого (*показал на подающего при-знаки жизни Ситина*) в форпик****! Люки задраить! При-ставить часовых! Обеспечить порядок на судне!

Отобрав у Одернй Смит-Вессон, с двумя револьверами в карманах кителя Шилов проследил за тем, как были испол-нены его команды, после чего подошёл к разбитому окну, неловко обнял засунувшего свою кудлатую голову боцмана Макаревича.

Шилов. Александр Илларионович, золотой вы мой! Вы же нас всех спасли! Буду хлопотать перед Пароходством о пре-мии Вам! Как Вам это на ум пришло!?

Макаревич. Да мы на Добровольческом флоте так катор-

жан охлаждали, хе-хе. Когда они бузить от жары начинали... Не впервой...

Шилов. Благодарю Вас, Александр Илларионович! А сейчас за работу... Помогите мне разобраться с командой баржи. Как никак я их командира арестовал... (*смеётся*) Как бы они нас на abordаж не взяли!

Смеющаяся голова Макаревича скрылась в окне. Шилов повернулся к своим гостям.

Шилов. Господа! Екатерина Дмитриевна! Прошу меня простить – неотложные дела! Прошу вас перейти в буфет или в каюты. Позже встретимся.

Шилов повернулся и вышел из салона, насвистывая фривольный мотивчик.

Русов. Наш капитан явно приобрёл заряд бодрости. Катя!? Всё в порядке?

Лепехин. Никто не промок!? Давайте выйдем вот сюда. (*показывает на носовые окна салон*) Avantgarde. Катя, ты не устала? Может тебя проводить в каюту?

В этот момент внезапный сильный толчок останавливает пароход и роняет всех присутствующих на палубу. Течение начинает разворачивать корму парохода в правую сто-

рону, наваливаясь бортом на проскочившую по инерции вперёд неуклюжую баржу и прижимая её к отмели пологого, заросшего густым кустарником острова. Пароход, сцепившийся с баржей, начинает основательно затягивать течением на отмель. Слышится глухой треск, звон бьющейся посуды и крики людей. Густой дровяной дым от низкой трубы застилает палубы парохода баржи, вызывая у людей вместо криков приступы натужного кашля. Всё сущее погружается в тёмно-серую шевелящуюся мглу.

**** крайний носовой отсек корпуса судна между форштевнем и первой («таранной») переборкой, на «Сибири» спуск в форпик организован через люк в носовой части парохода.

Часть вторая.

Над величественной рекой непроглядной пеленой стоит белесый холодный туман. Видимость в нём настолько короткая, что уже в двух шагах предметы теряют свои очертания, показывая наблюдателю лишь свои выступающие части.

Помещение командирского салона. Всё приведено в первоначальный порядок.

Вдоль стола сидят: Шилов, Лепехин, Русов, Савельев и Маликов. Возле пианино на табурете Лепехина, спиной к

зрителю, играет по нотам девятую тему «Nimrod» из тридцать шестогоopusа «Вариаций «Enigma» для фортепиано Сэра Эдуарда Уильяма Элгара. Одеты очень тепло. Перед Шиловым лежит раскрытая папка с небрежно сложенными исписанными листами бумаги, раскрытый судовой журнал и истрёпанная записная книжка. Перед Маликовым письменный прибор и небольшая стопка чистых листов писчей бумаги. В центре стола графин с водой и стаканы.

Шилов. Итак, господа, я властью, определённой мне Речным Уставом, обязан провести предварительное расследование всех деталей случившихся у меня на пароходе происшествий. Мы с Алексеем Алексеевичем давеча договорились, что все мы, кто находится сейчас здесь, в салоне – имеем взаимное алиби на время происшествий и можем, если никто не против, вместе сейчас опросить по очереди всех, кто был на пароходе и не имел алиби. (Лепехину) Правильно я говорю, Алексей Алексеевич?

Лепехин. Всё так, Василий Васильевич.

Шилов. (Маликову) Николай Михайлович, Занесите, пожалуйста всех собравшихся и отметьте что вы ведёте протокол.

Маликов. (кивнув и начав писать) Приступаю, Василий Васильевич!

Шилов. (громко, зычно) Боцман! Александр Илларионо-

вич!

В салон, отворив дверь, заглядывает боцман Макаревич.

Шилов. (*Макаревичу*) Александр Илларионович! Давайте сюда первым вахмистра.

Боцман кивает и скрывается за дверью

Шилов. (*всем присутствующим*) Первым я предлагаю заслушать нашего буяна-жандарма. Думаю, что если взять с него слово чести, что не будет буйствовать – то мы можем его присовокупить к нашему заседанию в качестве должностного лица, осуществляющего на пароходе Имперскую власть. Как вы считаете, господа?

Русов. (*громко смеясь*) Жандармам слово чести неведомо, Василий Васильевич!

Шилов. И всё же будет лучше, если мы этого буяна освободим и дадим для успокоения служебное задание. От участия в дознании он по Закону не имеет права отказаться. Так, Алексей Алексеевич!?

Лепехин. (*менторским тоном*) Согласно параграфа сорок четвёртого Положения о жандармском корпусе тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года служебные либо иные обязанности на нижних чинов не могут быть возложены без согласия Шефа жандармского управления.

Шилов. И всё же если Капитан судна, как Высшая инстанция, при исполнении своих обязанностей, пригласит жандармского чина к содействию...

Лепехин. *(продолжая фразу Шилова, менторским тоном)* ... то тогда, согласно параграфа двадцать шестого вышеупомянутого Положения, несут обязанности содействия к восстановлению нарушенного порядка. *(переводит дух)* Впрочем, только в том случае, если будут приглашены местными властями. То есть в данном Случае Вами, как капитаном судна...

Боцман с матросом вводят в салон вахмистра Корчагина.

Лепехин. *(глядя на Корчагина, менторским тоном)* ... в случае же небытности на месте чинов исполнительной полиции, непосредственно принимают участие в сохранении спокойствия! *(властно)* Вахмистр Корчагин! Откуда была цитата!?

Корчагин. *(сквозь зубы)* Положение вы неточно цитируете... Параграф двадцать шестой главы третьей!

Лепехин. *(зло)* Я, милейший, в настоящий момент доступно изъясняю присутствующим особенности Вашей службы!

Русов. *(смеясь)* Законники...

Шилов. Господин вахмистр! Я вынужден требовать от Вас слова, что вы не будете силой менять свой status quo! Обе-

щайте, что ни при каких обстоятельствах не предпримете повторного смутьянства на моём судне!

Корчагин. *(зло)* Вы, любезный, здесь капитан до тех пор, пока моя докладная не ляжет на стол губернатора!

Шилов. Возможно, возможно...

Лепехин. Согласно принятого Устава речной службы распоряджения капитана в пределах его полномочий подлежат беспрекословному исполнению всеми находящимися на судне лицами – в случае неподчинения, тем более с применением готового к бою огнестрельного либо любого другого оружия считается подстрекательством к бунту и пресекается максимально быстро и строго, в соответствии с уложениями Устава и Законов Российской Империи.

Корчагин. Я перед губернатором ответ держу! И только перед ним...

Шилов. На судне мне обязаны подчиняться все, ибо я здесь – высшая власть, господин вахмистр! И покончим с этим – вы даёте слово офицера?

Корчагин. В сложившихся обстоятельствах – да!

Лепехин. Поточнее, пожалуйста!

Корчагин. Вахмистр – не офицерское звание!

Лепехин. Но вы – должностное лицо при исполнении обязанностей офицера жандармской службы!?! Насколько я могу судить – вы из гвардии? Сверхсрочник? Стало быть, по общевоинскому табелю – подпрапорщик? Так или нет?

Корчагин. Так!

Лепехин. Вы нам нужны, господин Корчагин, здесь сейчас, в качестве законного представителя исполнительной Власти Империи. Извольте знать, что за время, проведённое Вами взаперти, у нас на пароходе произошло преступление, которое мы с Василием Васильевичем намерены скорейшим образом раскрыть. А так как вы на момент преступления, равно как и мы все, здесь присутствующие, имеете алиби – я прошу Вас к нам присоединится.

Шилов. Так вы даёте слово, вахмистр!?

Корчагин. Да! Даю.

Шилов. Тогда извольте чётко и ясно проговорить вслух: «Я, вахмистр транспортной жандармерии Ен-ской дистанции Корчагин обязуюсь вести себя подобающе сложившейся обстановке, не проявляя желаний завладеть оружием и не учинять смуту до того момента, пока не сойду с парохода на берег»! Кстати, оружие Ваше хранится в моей каюте, и я обязуюсь по прибытии в М. тот час-же Вам его передать с глубочайшими извинениями за причинённые Вам неудобства во время нашего перехода от имени Пароходства и от себя лично!

Корчагин. (*Шилону*) Я, вахмистр транспортной полиции Ен-ской дистанции Корчагин обязуюсь вести себя подобающе сложившейся обстановке, не проявляя желаний завладеть оружием и не учинять смуту до того момента, пока не сойду с парохода на берег! А когда вы намерены освободите из-под стражи унтер-офицера Страхова?

Шилов. До прибытия в М. он пробудет в трюме. Вы намерены оспорить моё решение силой, вахмистр?

Лепехин. Согласно Устава капитан вправе изолировать в особом помещении лицо, подозреваемое в совершении преступления, или лицо, действия которого не содержат признаков уголовно-наказуемого деяния, но угрожают безопасности судна или находящихся на нем людей или имущества...

Шилов. Ваше слово, вахмистр...

Корчагин. (*расслабленно*) А! Да чёрт с вами... Я согласен... Позвольте проявить любопытство, Ваше Сиятельство – а как вы распознали, что я из гвардии?

Лепехин. Вы ведёте себя как отставник из нижних чинов, достигших потолка по службе...

Русов. Вы, господин вахмистр, характерно упрямы и заносчивы. Как и все в гвардии... Это же очевидно!

Лепехин. (*Корчагину*) Позвольте я вас введу в курс нашего дела!?

Корчагин. Я слушаю вас, Ваше Сиятельство.

Лепехин. Вчера, примерно во время стрельбы и ваших с поручиком упражнений, у Пётра Силантьевича Страхова из каюты пропали финансовые документы большой ценности. Пока пароход ждёт ясной погоды и стоит на якоре, мы намерены выяснить подробности этого происшествия. Для нас очень важно, чтобы при этом разбирательстве присутствовал представитель Имперской власти.

Корчагин. Я согласен, вот только...

Лепехин. (*перебивая Корчагина*) Очень хорошо, господин вахмистр. (*Шилову*) Тогда давайте приступать, Василий Васильевич...

Широв. (*боцману*) Александр Илларионович, приведите сюда нашего анархиста...

Макаревич. (*молодцевато*) Сию минуту будет исполнено, Василий Васильевич!

Боцман и матрос, немного запутавшись в дверях салона, уходят, закрыв за собой дверь.

Корчагин. Что же вы, господа, у этого недоноска выпытывать собираетесь!? Видно же, что – импульсивный дурак. Восторженный. Напитанный под завязку (*брезгливо передёрнувшись*) «Революцией»! Сообщников у него явно не было... Увидел он вас, Ваше Сиятельство – перемкнуло в нём... Вот и побежал стрелять! Навидался я таких за время службы... Что вот таких как он, молодцов без царя в голове, что девиц восторженных... В обморок от каждого грубого слова падающих...

Русов. Это вы, вахмистр, дело Засулич поминаете?

Корчагин. (*с вызовом, привстав за столом*) Её тоже! С её оправдания всё началось! С того момента все чахоточные студенты и курсистки уловили в жизни – теперь «можно»! Понеслась околесица по губерниям... Вместо того, что бы как встарь, вот так (*вздевает свой крепко сжатый кулак*)

держатъ – сусолимся с ними... Теперь вот чуть что – стреляют...

Шилов. И стреляются тоже! Ядами травятся... Мода!

Корчагин. Травят себя – Бог с ними... Никто кроме родителей не всплакнёт! Они же других людей калечат... Во множестве... Уж нам по инстанции доводят, мать её, статистику!

Лепехин и Русов. *(одновременно, грозно)* Вахмистр!

Корчагин. *(повернувшись к Лепехиной)* Простите меня, Ваше Сиятельство... За мой язык казарменный... *(поворачиваясь к остальным)* Вот только из «бульдога» какого ни-будь паршивого, или «браунинга» – и застрелить, и застрелиться толком не получается! По их маломощности... Людей сколько покалеченных... *(делая движение рукой к бедру и оцупав пустую кобуру, растерянно всем присутствующим)* Не то что армейский «Смит-Вессон»! Бац – и упокойник... *(опустошённо рухнул на свой стул, повернулся невидящим взглядом к белёсому от тумана окну)*

Русов. Довелось... *(раскуривает сигару)* Во время одной из встреч с лидерами кадетов шестого года на квартире у Муромцева нам Веру Засулич представили... Нигилистка, грязная, нечесаная, оборванная, в истерзанных башмаках... Представили, как некую надежду в примирении с левыми фракциями... Ничего, конечно же, у светил демократии не вышло... Хочу вам ответственно, господа, заявить, что это приснопамятное оправдание Засулич – какой-то ужасный, кошмарный сон... В зале суда самодержавной Империи про-

изошло столь наглое торжество крамолы, перевернувшее общество! И ради кого!?! Грязной вонючей замарашки с бредовыми идеями?

Стук в дверь. Боцман с матросом вводят в салон связанного по рукам Ситина.

Русов. И вот, господа, перед нами ещё один нигилист... (тушит сигару) Грязный, расхристанный и нечёсанный!

Шилов. (*Ситину*) Доброго утра, Владимир Иванович... Вас ведь так зовут?

Ситин. (*кивнув*) Да. Здравствуйте...

Шилов. Мы вас пригласили, что бы постараться разобраться в причинах произошедшего вчера события...

Лепехин. Из слов вашего непосредственного начальника нам известно, что вы привлекались по делу о пропаганде идей анархо-коммунизма по предыдущему месту службы?

Ситин. Положим привлекался, а что!?! Это высшая степень произвола режима, хочу заявить: преследовать за то, что свободные люди говорят между собой на свободные темы – противозаконно и в высшей степени нелепо!

Лепехин. Воля Ваша, Владимир Иванович! Но как же вы умещаете в себе службу Режиму и Ваши взгляды? Ведь служба есть высшее проявление неволи?

Ситин. Всё так! Для меня служба – каторга!

Лепехин. Так отчего же вы не дезертир!?! Ведь уйти с той

каторги, в которой вы изволите пребывать – не составляет труда? А в Париже, и в Лондоне, где обосновались лидеры вашей фракции, насколько мне известно – сытно и привольно живётся?

Ситин. Пока нет возможности.

Лепехин. Так... Почему? Ответьте!

Ситин. Руководство партии считает, что каждый сознательный приверженец идеалов анархии обязан по праву совести нести свет в среду тёмного крестьянства и солдатства. К тому же в конвойной команде я могу помогать своим товарищам, попавшим в застенки.

Лепехин. То есть вы как шпион – пребываете по заданию в расположении врага? Позвольте, но ведь, насколько я могу судить из написанного в разные годы князем Кропоткиным и воззваний последнего времени ваша партия придерживается ненасильственного, экспансионистского пути свержения власти, просветительской работы среди промышленного пролетариата – вы же сейчас утверждаете, что ориентированы на крестьянство? Партия приняла решение расширять экспансию?

Ситин. Ха! Эти безмозглые дураки-хлебовольцы – удобное прикрытие для того, кто проповедует безначалие! Мы придерживаемся террористического курса!

Лепехин. Вот как!? Отлично! Двойное прикрытие! Понимаю... Скажите, а не в вашей ли фракции состояла госпожа Рачевская?

Ситин. Рачевская до самоубийства – это Парижская группа, я же солидарен к «Чёрному террору»!

Лепехин. Но ведь «Чёрный террор» публично заявлял о приверженности идеям безначальства!? Вы знаете, что автором провокации, за которой последовал разгром «Чёрного террора» стоял Азеф, из-за раскрытия деяний которого я, в свою очередь, имею счастье сейчас здесь беседовать с Вами?

Ситин. Известно! К этому подлецу у нас особый счёт!

Лепехин. Зачем же вы стреляли в меня? Да будет Вам известно, что моя семья самым непосредственным образом пострадала от террористических действий Татьяны Самсоновны Рачевской! Неужели Вам этого мало? Где же логика в Ваших поступках?

Ситин. Согласно пятому принципу безначалия – как акт беспощадной народной расправы с пусть бывшим, но царским проводником насилия! Это ведь при Вашем руководстве были разгромлены коммуны общинников!? (*истошно завывая*) Гнет царский воплощая! Дух татарский, напавший на Русь и водворивший Царевщину! Ведь было же время, когда на Руси не было ни помещиков, ни царей, ни чиновников – и все люди были равны! А земля принадлежала только народу, который работал на ней и делился ею между собою в общине поровну!

Лепехин. (*смеясь*) Какой вывих! Что вы такое несёте!? Почитали бы кого-то из историков, что ли! Ключевского...

Ситин. (*истошно, с апломбом*) Дурят эти Ваши историки

народ по заказу татарскому! Известно же, что Сенатская комиссия только холуёв Царских разрешает печатать на Руси!

Лепехин. Вы больны, господин Ситин! Нет сил и времени с Вами спорить... *(боцману)* Уводите его, господа. *(в пространство)* Нет логики! Нет логики... *(повернувшись к Екатерине Дмитриевне и Сергею Дмитриевичу)* Это ведь мы о той даме сейчас говорили, что похищение Варечки организовала! *(в пространство)* Тесен мир. Воистину...

Боцман с матросом уводят Ситина.

Лепехина. И полно...

Лепехин. Ты озябла? Может я отведу тебя в каюту?

Лепехина. Нет, Алексей. Здесь хорошо и свежо. А в каюте некуда будет деться от своих и твоих мыслей... Принеси мне плед.

Лепехин встаёт и выходит из салона. Дёрнулся следом Корчагин.

Шилов. *(Корчагину)* Вы куда, вахмистр!?

Корчагин. Сопровождать...

Шилов. Оставайтесь с нами!

Корчагин. Я обязан...

Шилов. Вы обязаны подчиняться моим распоряжениям!

Боцман! Дверь!

Боцман с матросом загородили собой выход из салона.

Русов. Вахмистр! Угломонитесь уже наконец! Вы дали слово – извольте его держать!

Шилов. Сядьте, вахмистр!

Корчагин. Это должностное преступление!

Шилов. Ваш статус сейчас – задержанный при попытке подстрекательства к бунту на гражданском речном судне! Временно, под честное слово, выпущенный из-под ареста. С ограниченным перемещением. Этим помещением ограниченный!

Корчагин неохотно опустил на стул.

Русов. А ведь я помню их Парижского идеолога Романо-ва. По Шлиссельбургу! Псевдоним был – «Бадбей». Щуп-лый такой, маленького росточка. Кавказец. Из Гори. Черный лицом. Глаза на выкат. Темпераментом был необычайно подвижный. Горяч. Порывист. Джигит! С репутацией остро-слова. Болезненно обидчивый. Произвёл на меня впечатле-ние душевнобольного...

Встаёт, с жаром начинает вещать присутствующим.

И вообще, хочу заметить, что чем больше меня затяги-

вает в революцию, тем больше склонен согласиться с теми, кто утверждает, что природа революций лежит не в социальной и экономической, а в культурно-психологической пропасти. Те же символисты, коих возглавлял Бальмонт, во многом ведь солидарно выступали и за учение Кропоткина. Это выступление у Казанского собора в первом году – честнейший срез настроений тогдашнего Петербургского общества – оно оказалось фатально незрелым! Как младенец, пробующий своих родителей на запреты. И этот младенец сейчас дорос как раз до половозрелого своего состояния – попытка бунта в пятом году показала, что никто не был готов к водружению своего права – и больше было похоже на попытку коллективного суицида! Государство внезапно для самого себя обнаружило свою старость. Общество вошло в отрочество. И начало сходить с ума. Выбрасываться из окон. И переломало кости, – как тот же Бальмонт, что по примеру Сида Вишеса выбросился из окна третьего этажа...

Нам всем представлялось, что Государство России – это европейская империя. Империя экстра-класса... Вот только что-то чуть-чуть приболела антисемитизмом и оскудением народа. И что попытка вытянуть общество Первой Думой провалилась только по близорукости Государя нашего Императора!

Как можно в здравом уме вообразить ситуацию: вы учреждаете суд присяжных – а присяжные начинают оправдывать террористов, которые убивают членов вашей семьи!? Или вы

учреждаете парламент – а депутаты воруют бумагу с чернилами и призывают чернь к беспорядкам. Или вы предпринимаете колониальную экспансию в острой фазе – а у вас в Столице начинаются забастовки на оборонных предприятиях, переходящие в вооружённые мятежи. Войска проигрывают сражение за сражением...

Почему? А почему некоторые подростки бунтуют против взрослых?

Да потому что взрослые перестали понимать детей. Потому что дети скоро перебесятся и займутся своей жизнью. А вот взрослые...

Корчагин. Ваше Сиятельство...

Шилов. *(перебивая Корчагина)* Ваше Сиятельство! Вы, как мне кажется, идеализируете...

Корчагин. *(перебивая Шилова)* Ваше Сиятельство...

Савельев. *(перебивая Корчагина)* Ваше...

Лепехина. Господа! Господа... *(громко роняет руку на клавиши пианино)*

Входит Лепехин. В салон он застаёт насмешливо разглядывающих присутствующих с высоты своего роста Русова, пунцового от напряжения Корчагина, недоумённо и подозрительно оглядывающегося Шилова, откровенно испуганного Савельева и возмущённо привставшую супругу.

Лепехина. *(вставая от пианино и направляясь к супругу,*

порывисто) Алексей! Ты вовремя!

Лепехин. (*набрасывая плед на плечи супруги, негромко*) Сергей?

Лепехина кивает головой и отходит к пианино.

Лепехин. (*напуская на себя нарочито сердитый вид, казённым тоном, Русову*) Сергей Дмитриевич! Па-азвольте спра-асить!?

Русов. (*вытянувшись во фронт*) Да, Ваше Сиятельство!

Лепехин. Па-апрашу воздержаться от крамольных речей в присутствии сторонних людей при исполнении!

Русов. Не извольте беспокоиться, Ваше Сиятельство!

Лепехина. (*обращаясь к собравшимся*) Я, господа, к сожалению, не знаю, что здесь говорил перед моим приходом Сергей Дмитриевич. Однако, видимо, одну из своих обычных речей!?

Корчагин. Крамола!

Русов. (*Корчагину*) Так ли крамольно моё высказывание, вахмистр!? Вам не показалось, что в своей речи я выступил в защиту Царской Семьи?

Корчагин. (*вставая*) Я, Ваше Сиятельство...

Русов. (*перебивая*) Хотел выразить свою благодарность за слова сочувствия исторической ноше Помазанника Божьего!

Корчагин ошалело опустил на стул, беззвучно откры-

вая и закрывая рот в попытке выдавить из себя хоть слово.

Русов. (декларативно) Благодарю Вас, вахмистр!

Лепехин. (смеясь) Ритор! (присутствующим) Продолжим, господа!?

Русов. (настойчиво) Нет, подожди! (Корчагину) Вахмистр! Взрослые с детьми не воюют! Не устраивают зверских расправ! За попытки суицида детей не наказывают! Их окружают любовью и заботой... А злобных негодяев, помышляющих об убийстве детей – вяжут и определяют в лечебницы и тюрьмы! С такими не рассуждают. Таким ставят диагнозы. Таким находят статью! И если вовремя такого не определить – рецидив обязательно случится! Дай только время...

Корчагин. (потерянно) Кого вы имеете в виду!?

Русов. (махнув рукой, обращаясь ко всем присутствующим) Романов ведь был отличный оратор! Вдохновенный и остроумный. Но поверженный безумием! Его ориентация на босяков и чернь нелепа – городские деклассированные элементы могут быть хороши только в бунте, в разрушении, но они же совершенно не способны к созидательной, конструктивной деятельности. Пораженные всевозможными социальными пороками, они лишь превращают социальную активность в мародерства, грабежи, насилие над мирным населением и, в конечном итоге, скорее дискредитируют саму идею социальных преобразований. И выходцы из дворянского и мещанского сословий, провозглашающие рево-

люцию, не понимают действительной природы этого социального дна! Идеализируют его. Наделяют отсутствующими в реальной действительности качествами...

Садится за стол, спокойным тоном.

...провоцируя сумасшедшего на дальнейшие подвиги.

Для того история и выделила из общества элиту. Сама суть аристократии заключена в созидании общества и в ответственности за него и его деяния. Так же, как и революционеры, аристократия на протяжении веков выстраивала горизонтальные связи по всему миру, невзирая на границы и религиозные догмы, являясь наивысшей формой децентрализации управления и воспитания общества. Только элита способна без вселенского насилия справиться с болезнями роста Общества и Государства. Самая здоровая часть её должна объединиться и взять на себя положенное Богом и Правом бремя ответственности за тех, кого призваны патронировать!

Савельев. Это вы, Сергей Дмитриевич, не о масонстве ли говорите?

Русов. А почему бы и нет, Николай Иванович!? И масонство, и сионизм суть есть – клуб единомышленников, объединенных Целью.

Савельев. Так ведь тайное же отпугивает простого человека!

Русов. А революционеры разве-ж не таятся!? Не скрывают разве свои истинные чаянья на переустройство мира!? Внешне все они – за справедливость, равенство, братство...

Вот те же безначальцы – вроде бы словами за обездоленных. А на деле своими террористическими методами борьбы и экспроприациями сами себя криминализируют.

Превращая себя скорее в источник опасности в восприятии большей части мирных жителей, чем в привлекательное движение, способное повести за собой широкие слои населения. Отпугивая от себя, в том числе, и тех же самых рабочих и крестьян.

Лишают себя социальной поддержки, и, соответственно, – внятного политического будущего. Перспектив!

Лепехин. Полно вам! Не место здесь и не время в политический диспут вступать. Вторя тебе, Сергей, можно утверждать, что в стремлении высшей степени свободы правящего класса от каких бы то ни было ограничений, в том числе и любой формы власти кроме них самих. Тонкая жирная прослойка любого общества – и их тощие оппоненты на другом краю качелей. Одни пытаются удержать власть и положение – другие пытаются власть перенять! Качели качаются...

Входит боцман. Останавливается у двери. Следом за ним маячит матрос.

Шилов. (вставая) А не выпить ли нам, господа, чаю!?

(Макаревичу) Александр Илларионович! Узнайте, пожалуйста, у вахтенного – как там с туманом? (матросу) Зверев! Пригласите сюда буфетчика.

Боцман и матрос выходят.

Шилов. (присутствующим) Пока, организуют чай, предлагаю заслушать Николая Ивановича. (собравшиеся согласно кивнули, Шилов обратился к Савельеву) Итак, Николай Иванович, давайте послушаем вас. Я помнится просил вас подробнее изложить всю цепочку событий последнего дня...

Савельев. (кивнул, достав из внутреннего кармана и развернув сложенный исписанный листок бумаги, начал читать) Вечером 11 сентября я после обеда находился в салон за игрой в карты с командиром Шиловым, князем Лепехиным и князем Русовым. Так же с нами в салон всё это время находилась супруга князя Лепехина Екатерина Дмитриевна. сели играть вист. На первой же перемене...

Шилов. Добавьте, Николай Иванович, что играли в игру коммерческую... А то могут прицепиться и штраф выписать...

Русов. (фыркнул) Дикость...

Савельев. Хорошо, допишу... Есть место... Итак, продолжу... В это время раздался выстрел в окно салон, направленный, вероятно, в князя Лепехина...

Боцман заглянул в салон, приоткрыв дверь.

Макаревич. *(Шилону)* Василий Васильевич, разрешите доложить!?! *(Шилов кивнул)* Вахтенный четверть часа назад гонял на верх мачты смазчика Лопатина. Так вот мальчонка говорит, что туман спустился до верха трубы. Небо ясное. Облаков нет.

Шилов. Передайте Маликову, чтобы ещё раз всё проверили для отправления. Баржу проинформируйте так же. Может быть, через час сможем отправиться. Котёл машины до среднего состояния. Дрова пересчитать. Мне доложить о состоянии топлива.

Макаревич. *(Шилону)* Есть, Василий Васильевич!

Боцман скрылся за дверью, на его место заступил буфетчик Струмилов.

Струмилов. *(Шилону)* Василий Васильевич, вызывали?

Шилов. Иван Егорович, подайте нам всем сюда чаю. *(оглядел присутствующих)* На семь персон.

Струмилов. Один момент! *(скрывается за дверью)*

Шилов. *(вдогонку Струмилову)* Иван Егорович! Подождите...

Струмилов появляется в дверном проеме.

Шилов. Я Вас просил изложить письменно события прошедшего дня? Вы написали?

Струмилов. Так точно-с, Василий Васильевич! Всё изложил как было!

Шилов. Отлично! Захватите с собой. После чая прочитаем здесь вместе...

Струмилов скрылся. Вместо него заступил матрос Зверев.

Шилов. *(Звереву)* Пока можете быть свободны. *(матрос закрыл дверь, Шилов – Савельеву)* Извините нас, Николай Иванович, давайте продолжим...

Савельев. Хорошо, продолжу с последнего предложения: В это время раздался выстрел в окно салон, направленный, вероятно, в князя Лепехина. Мы все вскочили и выбежали за дверь. В салон осталась одна лишь княгиня Лепехина с князем Русовым. Все остальные, и я в том числе, побежали к стрелявшему. Однако нас опередил вахмистр жандармерии Корчагин. К моменту нашего прибытия на место он, то есть Корчагин, уже скрутил стрелявшего, которым оказался нижний чин конвойной команды. Я взял упавший револьвер и передал его командиру парохода Шилову...

Русов. *(прерывая Савельева)* Николай Иванович! Господа... Давайте может быть побережём наше время!? *(Савелье-*

ву) Вы ведь изложили всё подробно на бумаге? Сколько у Вас там? Семь листов! Ого-го! Может, если господин Шилов не против – вы передадите ему бумаги а сами изложите произошедшее с Вами для протокола своими словами? Коротко... *(Шилову)* Василий Васильевич! Вы как на это смотрите?

Шилов. Наверное вы правы. Я ведь всей команде распорядился объяснительные написать – так мы их будем выслушивать до второго Пришествия... Давайте тогда, действительно, Николай Иванович, своими словами. О главном.

Савельев. Как угодно, господа... *(передвигает свои записки по столу к Маликову)* Своими так своими... После того, как последствия аварии были устранены и мы все поужинали – я прошёл в свою каюту и увидел там что все мои вещи перевернуты и разбросаны, а в моём бюроаре пропало доверительное письмо моего отца к управляющему отделением Сибирского банка Вологдину и векселя на достаточно крупную сумму...

Лепехин. И сколько же было в векселях?

Савельев. Десять тысяч. Отец мне перевёл в М. деньги на первое обустройство и арендный взнос за полгода для нового нашего магазина.

Лепехин. Векселя были на Ваше имя?

Савельев. Нет, один на моё, с правом взятия частями, а второй – на предьявителя, с тем условием, что после заключения аренды я через нотариуса Романовского передам вексель владельцам помещений.

Лепехин. С нотариусом вы знакомы?

Савельев. Нет, только в переписке...

Шилов. Интересно... Получается – любой держатель векселя может по предъявлению получить средства?

Савельев. Нет, только после подписания договора аренды!

Шилов. Но тогда похититель должен быть в М. раньше Вас!?

Лепехин. *(вместо Савельева ответил Шилову)* Несомненно! Василий Васильевич! Кто-то с парохода сходил после аварии?

Шилов. *(взволнованно)* Никак нет, я распорядился всех удержать на судне!

Лепехин. А кто-то изъявлял срочное желание непременно сойти на берег и продолжить путь самостоятельно?

Шилов. Сейчас выясним... Боцман! Александр Илларионович!

Открывается дверь, в салон с подносами входят буфетчик Струмилов и стюард Хохлов.

Струмилов. Вот и мы, Василий Васильевич! Сей момент накроем стол. Время завтрака уже давно прошло!

Буфетчик с помогающим ему стюардом сервируют стол и поставец. В дверной проём просовывается боцман.

Макаревич. Звали, Василий Васильевич!

Шилов. Александр Илларионович, были ли попытки сойти на берег после моего распоряжения разойтись по каютам и ограничить перемещения пассажиров?

Макаревич. *(смутившись)* Ну так... Это... Были, Василий Васильевич!

Лепехин. И кто же?

Макаревич. Да почитай все пассажиры! *(приобретя уверенность в голосе)* Насилу их утихомирили... Почитай полчаса их уговорами по каютам расталкивали...

Шилов. Ну, а кто-то особо буйствовал?

Макаревич. Дамочки в основном, и которые с детишками... Политические опять же... Почитай что все.

Шилов. Хорошо... А из команды кто-то на берег пытался сойти?

Макаревич. Ну, это... Было такое, Василий Васильевич!

Шилов. И кто же эти люди?

Макаревич. Дак вот лоцман сильно настаивал... *(посмотрел на замершего Струмилова)* Вот Иван Егорович тоже... Настаивали!

Все повернулись к замершему Струмилову.

Шилов. Иван Егорович!? А что это Вам на ночь глядя на берегу понадобилось?

Струмилов. *(растерянно)* Вот, извольте-с... Испугался я,

Василий Васильевич! Решил вот, что ночь лучше на берегу переждать. Не ровён час, как говориться...

Шилов. Но позвольте, Вы же давно на пароходстве!? Разве в первый раз в подобной истории оказываетесь? У нас ведь что не навигация – так с десятков посадок на мель или об корягу днище кто распорет... И топнут пароходы частенько... Так что-ж, из-за этого, панике поддаваться? Вы же пассажир какой, упаси их господь!

Струмилов. Но вот нашло что-то... Господа! А что вы все так на меня смотрите!?

Шилов. *(Хохлову)* Вы, сударь, сервировку-то завершайте... Гости мои заждались... *(Струмилову)* Вы, Иван Егорыч, бумагу-то составили? Как я просил?

Струмилов. *(лезет за пазуху, вытаскивая оттуда сложенный листок бумаги)* А как же, Василий Васильевич! Все непременно составил. Полночи корпел... *(протягивает через стол бумагу Шилову)* Вот-с, извольте ознакомиться!

Шилов. *(принимая бумагу и передавая её Маликову)* Николай Михайлович, приобщите... *(обращаясь к Струмилову, растерянно провожающему взглядом бумагу)* А сейчас, Иван Егорович, вы нам своими словами, без обиняков, расскажите то, что так подробно изложили на бумаге!

Струмилов. Чем занимался-с!? *(с вызовом)* Вот, вместе с Алёшкой вот *(показывает на стюарда Хохлова)*, не покладая рук, стало быть, к ужину готовились... Почитай у Вас в командирском салоне пятеро и всех остальных, из помощ-

ников и первого класса едущих... У меня, в буфетском салоне, стало быть... Почитай что и на восемнадцать персон ужина заготовить-с... Не шутка! А как удар-то случился, так мы наперво кинулись к правому борту... А потом уже, как всё успокаиваться стало – мы, в салоне, порядок наводить стали... Посуды у вас да в салоне изрядно побилось... Кастрюля опять же... Слетела с плиты. Навели мы, стало быть, порядок – а потом и заново ужином занялись... Почитай на полтора часа позже все отстоловались. Все вместе, в буфетном... Все господа, здесь присутствующие подтвердить могут...

Лепехин. А до момента выстрела и удара о грунт вы куда-либо из буфета отлучались?

Струмилов. Да почитай что и нет... Разве что вот с закуской к вам в салон заходил...

Стюард закончил сервировку и замер в вопросительной позе.

Шилов. Хорошо, Иван Егорович... Хорошо... Если вы закончили, то несите нам уже самовар...

Буфетчик и стюард, пятясь, покинули салон.

Лепехин. Ну что же, господа!? Наверное, нам теперь необходимо с лоцманом поговорить?

Шилов. *(боцману)* Александр Илларионович, где сейчас Василий Ильич?

Макаревич. *(насмешливо)* Известно где... В каюте своей запершись пребывает... Со вчерашнего...

Шилов. Отправьте, за ним, пожалуйста, матроса...

Макаревич. *(кивнув раскрыл дверь из салона и гаркнул)* Зверев! Дуй сейчас же за Беловым! Скажи – командир зовет... Да пусть поспешает! *(вернувшись в салон)* Только вот разрешите заметить, господа, что Струмилов лукавит... Видел я его незадолго до событий в третьем классе под лестницей на вторую палубу, когда в канатную заглядывал. Крутился он там зачем-то... Меня увидел – шмыгнул наверх по лестнице... Видать к себе, в буфетную.

Лепехин. Это ведь там у солдат каюты? Интересно...

Русов. Уж не думаешь ли ты, Алексей...

Лепехин. Пока рано!

Шилов. *(Маликову)* Пом. мех.! Вы всё записываете? *(боцману)* Отправьте-ка, Александр Илларионович, матроса пошмыслёней, приглядеть за буфетчиком нашим...

Макаревич. *(в пол оборота, выходя из салона)* Отправлю-ка я в догляд за ним Барсукова... Парень от совести мается, места не находит... А тут дело-то важное... Да и зуб у него давний на буфетчика... Не спустит...

Макаревич выходит из салона, закрыв за собой дверь И сразу же следом стюард нараспашку открывает дверь са-

лона, и останавливается, придерживая её рукой и ногой, буфетчик торжественно вносит в салон «вёдерный», пылуший жаром самовар с иконостасом медалей во всё своё огромное медное пузо.

Русов. (торжественно) Трам-тада-да-там-там!

Лепехина. (хлопая в ладони) Bravo!

Струмилов. Извольте чаю, господа!

Все задвигались, поудобнее устраиваясь за столом.

Шилов. (Маликову) Николай Михайлович, уберите пока бумаги... Екатерина Дмитриевна, пожалуйста к столу...

В салон заглянул через дверь матрос Барсуков. Встретился глазами с Шиловым и скрылся.

Шилов. (внимательно наблюдая за Струмиловым) А мы ведь ещё сейчас Белова, Василия Ильича, поджидаем. Иван Егорыч, милейший! Доставьте нам ещё один прибор... (оглянулся, считая стулья) Как раз восемь! Отлично!

Дверь открылась и в салон важно вошёл лоцман Белов.

Белов. Вызывали, Василий Васильевич!?

Шилов. Приглашал, Василий Ильич, приглашал... Мы вот

как раз чайку решили организовать! Присоединитесь? Вы ведь знатный чаёвник! А наш Иван Егорыч в этом походе настоящим цейлонским балует... С чем будете чай пить, Василий Ильич? *(показывает на конец стола с свободным стулом)* Вот сюда, извольте садиться... Иван Егорыч, где же кружка!? Прибор нашему лоцману поставьте!

Струмилов. Сию секунду, Василий Васильевич! Сей же час в буфет...

Струмилов чуть не бегом покидает салон, стюард заканчивает разливать кипяток из самовара, щедро добавляя тёмно-коричневой густой заварки из чайника.

Шилов. Как же вы, Василий Ильич, боцман докладывал – переживаете... Ну не ваша же в том вина что на мель сели – с кем не бывает!? Намётчик не доглядел... И повреждений особых нет, и снялись уже... Что же вы из каюты то своей глаз не кажете?

Белов. Да я, Василий Васильевич, видите ли... Что-то захворал.

Шилов. Нервное?

Белов. Нервенное... Да!

Шилов. Разит от вас...

Белов. *(неволью принохавшись)* Ну что же... Что с того? Мы не в движении...

Шилов. Верно, на якоре! А что объявляли всем утром о

том, что с падением тумана двинемся – дошло до вас?

Белов. Дошло, Василь Василич. Не извольте... Буду на месте. Вы ж знаете, что я места здешние с закрытыми глазами...

Шилов. То верно... То верно... А что же вы, намедни – на берег собирались сойти?

Предваряя стучком в дверь вошёл Струмилов. Передал чайный прибор Хохлову. Стюард быстро налил и смешал ингредиенты чая и передал назад Струмилову. Буфетчик поднес и поставил кружку подле Белова. Показал ему аптечную склянку тёмного стекла. Белов согласно кивнул. Струмилов по кивку щедро отлил из пузырька в чашку чего-то терпко-душистого. Все находящиеся в салоне, оторвавшись от чая и пирожных, с интересом стали наблюдать за манипуляциями Струмилова.

Корчагин. (принюхавшись, заинтересованно) Это боярышник у вас?

Струмилов. Так точно-с...

Белов. Хорошо помогает... От пережитого.

Лепехина тихонько фыркнула в платок. Русов заливисто засмеялся. Лепехин и Шилов понимающе улыбнулись.

Шилов. Не лишка вы ему отмерили, Иван Егорович!?

Струмилов. Не извольте беспокоиться, Василий Васильевич, сей же час в форму придёт! Не в первый раз... Понимаем-с!

Белов. *(смущённо, от нахлынувшего всеобщего внимания)* Иван Егорович в травках толк знает!

Шилов. Василий Ильич! И всё же – мне доложили, что вы вчера на берег рвались вопреки моему известному вам приказу... Позвольте узнать – зачем?

Белов. *(смущённо)* Дак я, Василий Васильевич, это... Как все?

Шилов. Кто – «все»? Команда на своих местах оставалась... За исключением тех, кто пассажиров удерживал...

Струмилов незаметно вышмыгнул из салона, подталкивая Хохлова и тихонько притворив дверь.

Шилов. Не вяжется что-то у вас, Василий Ильич! На лоцмане ответственность за проводку судна первейшая! Вы ведь не передо мной – перед Пароходством ответ за правильную проводку судов по реке держите!

Белов. *(бессмысленно шаря взглядом по салону)* Так я это...

Шилов. Вчера недосуг этим вопросом было заниматься, разве что вот попросил вас письменно свои мысли насчёт аварии изложить...

Белов. Малограмотен я, не обессудьте!

Шилов. Как же «малограмотен», Василий Ильич! А! Пасквили на меня в Пароходство писать грамоты хватает, а как дошло дело до объяснительной – «малограмотен»!?

Белов. Так я перед Пароходством...

Шилов. Знаю, знаю – перед моим дядей лично ответственность несёте! На судне капитанскую власть... Авторитет мой подрываете! А случись что – в кусты!?! Струсили? (*проходящая за спиной Белова по салону*) Как это вы там говаривали!?! «Мы-то коренники... С мальчишек на судах... У нас это в крови... И отцы наши и деды наши, значит, бурлачили... Мы, понимаешь, из матросов в лоцмана-то пошли... И командирами сделались...» В командиры хотите? Вместо меня!?

Лепехина. Господа... Господа! Посмотрите – у него же удар!

Шилов. (*выдохнув и внимательно взглядевшись в синеющее, распухшее багровое лицо Белова*) Боцман! Фельдшера сюда! Живо!

Корчагин. (*громко, недоумённо*) Это что же его так, с боярышника што-ли!?

Княгиня порывисто поднялась из-за стола и зайдя за спину задыхающемуся Белову сильным резким движением разорвала на нём ворот рубахи. Мило улыбнулась супругу и вернулась на место.

Лепехина. *(насмешливо, усаживаясь за стол)* Мужчины...

Лепехин поднялся и отвесил несколько увесистых пощёчин Белову.

Лепехина. Воды на него плесните!

Русов. *(нерешительно оглядываясь)* Разве что чаю...

Маликов. А вот я сейчас... *(привстав схватил стоящий в центре стола графин и щедро из него плеснул на лицо лоцмана)* Из графина!

Белов, покачиваясь, заваливается на бок и падает вместе со стулом. Все присутствующие вскакивают. Вбегает в салон фельдшер Чепчугов. Оценив обстановку, сразу кидается к Белову. Макаревич и Зверев останавливаются в дверях.

Чепчугов. *(Шилону)* Василий Васильевич! Куда бы нам его положить?

Шилов. *(боцману)* В каюту его мою тащите!

Шилов обошёл стол и копошащихся возле Белова фельдшера, боцмана и матроса, подошёл к своей каюте и открыл дверь. Макаревич и Зверев, кряхтя затащили лоцмана в капитанскую каюту. Следом туда прошёл Чепчугов.

Шилов. *(фельдшеру)* Что с ним, Григорий Дмитриевич?
Удар?

Чепчугов. Что вы, Василий Васильевич... Похмелье у него... Не могу понять, что с ним... Выглядит так, как будто седативных наглотался и... Знаете, и как будто бы коньяка хорошего выпил много...

Корчагин. Его сейчас Струмилов боярышником потчевал...

Чепчугов. Это я разрешил... Чтобы лоцман наш не буйствовал... *(Шилову)* Василий Васильевич! У вас в салоне таза какого-нибудь не найдётся?

Шилов. Разве что бритвенный... Вам подойдёт?

Чепчугов. Любой подойдёт!

Шилов. *(скрываясь за дверью умывальной комнаты)* Сейчас...

Маликов. А зачем вам таз, Григорий Дмитриевич!? Желудок ему чистить?

Шилов. *(возвращаясь с небольшим медным тазом из умывальника, Малову, покосившись на Лепехину)* Пом. мех! Оставьте ваши подробности!

Маликов. *(смущённо)* Простите...

Шилов. *(отдавая таз боцману и кивая в сторону каюты)*
Александр Илларионович, передайте доктору...

Чепчугов. Сейчас попрошу всех расступиться... Василий Васильевич, можно я в каюте открою окно?

Шилов. *(пропуская мимо себя пятящихся задом Макаре-*

вича и Зверева) А что вы с боцманом делать то собираетесь!?

Чепчугов. Можно я вашим умывальником воспользуюсь?

Чепчугов прошёл мимо Шилова в умывальную комнату, побрыкал рукомойником и вышел, вытирая руки полотенцем.

Чепчугов. Вы простите, Василий Васильевич... У вас тут полотенце с монограммой... Я в спешке собирался – своего не взял... (отдал полотенце Шилову и повернулся к присутствующим) Кровь я ему пустил...

Лепехина. Господи, какое варварство!

Чепчугов. Что вы, княгиня! В случае с нашим записным пьянчужкой – это благо! Ведь не спускай я периодически у него дурную кровь – давно бы уже взаправду удар хватил... И хватит когда ни будь... (*Шилову*) Четверть часа мне нужно будет проследить за нашим лоцманом, так что я, с вашего позволения, Василий Васильевич, где ни будь здесь, в уголке посижу?

Шилов. (*растерянно комкая в руках полотенце*) Вы нам не помешаете, Григорий Дмитриевич – наоборот! Мы бы хотели послушать о том, чем вы занимались вчера, с того момента как прозвучал выстрел и до момента аварии? (*обращаясь к присутствующим*) Вы не против, господа? Чай наверняка остыл... (*покосившись в дверь своей каюты*) Да и аппетита как такового уже не найти...

Лепехин. Скажите, Григорий Дмитриевич, а вы, выходит, часто так лоцману кровопускание делаете?

Чепчугов. Рейс от рейса не сравниться... Но да! Часто.

Лепехин. Получается буфетчик его травками потчует, вы от застоя крови спасаете... А что ещё интересного с господином Беловым во время ваших путешествий происходит?

Шилов. (*Чепчугову*) Да вы располагайтесь вот в креслах, Григорий Дмитриевич...

Чепчугов. Нет, спасибо, мне лучше здесь, наблюдая за пациентом... (*Лепехину*) А отвечая на ваш вопрос, князь (*немного дурашливо*) – пьёт-с!

Шилов. (*дойдя до стола и взяв стул вернулся к дверям каюты*) Ну тогда вот вам мой стул... А я, пожалуй, всем вам, господа предложу своих папирос!? (*показывая рукой на поставец*) Пожалуйста, угощайтесь.

Шилов подошёл к поставцу и раскрыл папиросную коробку, взял одну папиросу, закурил и уселся в угловое кресло у шахматного столика. Встали Корчагин и Лепехин. Подошли к поставцу. Закурили. Лепехин уселся во второе кресло, Корчагин остался стоять. Маликов отодвинув чайные приборы водрузил на стол папку с бумагой и принялся карандашом бегло писать. Русов достал сигару и разжёг её, не вставая с места. Лепехина встала, подошла к недавно отремонтированному окну и с натугой открыла его, запустив в салон клубы оседающего тумана.

Шилов. (*озадаченно, посмотрев на старательного Маликова*) А ведь я как-то совсем забыл о своём пароходе! (*Звереву*) Матрос, будьте добры направить к нам стюарда для уборки стола... (*Макаревичу*) Александр Илларионович, любезный! Сходите и вы попить чаю. Наверное в рубке найдётся? Да заодно попросите вахтенного сообщить сюда о состоянии этого треклятого тумана!

Макаревич и Зверев выходят из салона.

Лепехин. (*внимательно наблюдая за супругой у окна, фельдшеру*) Так чем вы говорите, занимались после того, как принесли Екатерине Дмитриевне цветы?

Чепчугов. Вернулся к себе и стал работать дальше над статьёй... Я, видите ли, иногда пишу... Газета у нас в К. до недавнего времени издавалась. «Сибирские врачебные ведомости». Вот туда писал... А сейчас попросили коллеги высказаться по поводу вышедшей в прошлом году утопии «Красная звезда» Богданова о путешествии на Марс.

В книге, в числе прочего, интересно описываются практические воплощения идеи трансфизиологии... Прошу прощения – переливания крови. Так вот Богданов описывает общество, где социальные идеи и знания распространяются через обмен кровью между жителями Марса...

Русов. Это не тот ли Богданов, что в шестом году издал в

Женева рукопись «Эмпириомонизм»? Как же, читал... (*Лепехину*) А ведь я с ним, Алексей, общался... Даже спорил! Он был одним из идеологов Рабочей Партии в шестом году... Вместе с Ульяновым и инженером Красиным... (*посмотрел на собравшегося и потушившего папиросу Корчагина*) О! О! Посмотрите, господа, как вахмистр наш подсобрался! Крамолу ищейка унюхала!?! (*Корчагину*) Расслабьтесь, вахмистр! Летом этого года большевики его сняли со всех постов и исключили из партии.... И правильно, я считаю! Учёный должен заниматься наукой и не лезть ни в какие «революции»!

Лепехина. (*с иронией*) И это говорит сидевший за «политику» учёный-философ!

Лепехин. (*Русову*) Богданов фигурировал в деле об убийстве Саввы Морозова в пятом году... В нашем консульстве считали, что он вместе с Красиным организовали этот акт...

Русов. Пф! Он же кабинетный червь!?

Лепехин. Идеологию убийства и насилия зачастую твои «кабинетные черви» и осуществляют... (*Чепчугову*) И как же вы оцениваете эту идею с переливанием крови?

Чепчугов. (*бросив взгляд в каюту капитана*) Я с сомнением отношусь, что через кровь возможна передача какой бы то ни было информации... (*встал и начал расхаживать по салону*) Кроме, разве что наследственной. Однако сама идея такого социального явления как донорство меня восхищает! Американец Джордж Крайль в прошлом году опи-

сал свои опыты по переливанию крови от здоровых людей больным, притом с учётом совместимости, что резко снизило риск осложнений... Шестьдесят одно переливание он провёл – и все пациенты выздоровели! Это прорыв! Вот настоящая фантастика, господа! В прошлом же году Людвиг Хектон обосновал и через опыты доказал правильность подхода к сепарации донорской крови через перекрёстное сопоставление! Мы стоим на пороге удивительных открытий, господа! Скоро вся социальная иерархия в обществе затрепещит по швам... *(смотрит на Русова)* Князю, что бы спасти его от почечной недостаточности, перельют кровь конюха, идеально подходящую ему по показаниям...

Лепехина. *(хлопая в ладоши)* Bravo! Bravo! А идеально кровь подойдёт этому князю потому, что на конюшне в имении живёт его тщательно скрываемый незаконорожденный брат!

Русов. *(Лепехиной)* Катя, это не смешно! Это будет scandale inacceptable! Это недопустимо!

Чепчугов. *(распалаясь, глядя в глаза Корчагину)* Раненного в перестрелке, истекающего кровью жандармского офицера спасут от кровопотери в гарнизонном госпитале, перелив ему кровь каторжанина, сдавшего её для того, что бы получить вторую порцию каторжной баланды! Несвертываемость крови Наследника Престола будут лечить переливаниями от здоровых физически крестьянских детей...

Корчагин с размаху бьёт Чепчугова в челюсть. Фельдшера как пушинку относит в закуток между дверями в каюту и умывальник.

Корчагин. *(сдавленно)* Вот тебе, мразь, за Цесаревича! Чего удумал... Кровь мешать!

Лепехин. *(удерживая из кресла Корчагина за руку)* Спокойно, вахмистр, спокойно... Вы не в участке!

Лепехин встал, загородив собой сияющего подняться Чепчугова. Властно отстранил Корчагина к столу. Повернулся к Шилову.

Лепехин. Смотрю, Василий Васильевич, у вас на пароходе тоже социалисты имеются!?

Шилов. Простите, Алексей Алексеевич! Не знаю, что на него нашло... Не замечен был... Тихий, исполнительный, ума недюжинного – каждый раз меня в шахматы обыгрывал... Я уж с Григорием Дмитриевичем и играть-то зарёкся! А так что-б политика! Нет, не замечен...

Лепехин. Что же вы тогда, Чепчугов, сегодня перед нами раскрылись!?

Чепчугов. *(встав на ноги и скрывшись в умывальной комнате)* Ничего нового мной господа, не сказано... Разве что вот с компанией не угадал! Посчитал, что осуждённые за свободомыслие своим же классом Их Сиятельства меня пой-

мут и поддержат!

Русов. (*Чепухову*) Вы, господин хороший, производите сильнейшее впечатление закупоренного в своих мечтаниях идеалиста.... Вероятно, что как врач вы неплохи... И что вам нужно учиться и выходить в науку. А вот эскапада ваша здесь была явно лишняя. Не лезьте в политику, милейший... Социальные преобразования в нашем обществе рано или поздно обязательно случаться... Всенепременнейше! Задача же молодёжи, вместо бутозёрства и актов суицида об стенку Самодержавия заключается в том, чтобы выучиться и сохранить себя для будущей светлой жизни! А революции оставьте таким безнадёжным циникам как я или этот ваш Ульянов. Вы ведь большевик!? (*довольный собой, наблюдая за впавшим в смятение фельдшером*) А! Вон как задёргалась! Угадал... Мне, милейший очень импонирует ваша партийная дисциплина! Только вы, даже не партия полноценная, а просто фракционное ответвление, поставившие работу над собой во главу угла... Жёсткое подчинение революционной необходимости. Умение концентрироваться на цели. Самообразование. Вы, большевики, великолепны! И та элитная группировка, что в момент слома привлечёт вас на свою сторону – обязательно выиграет наше соревнование...

Лепехин. (*пройдя мимо Русова через салон к супруге, обняв её за плечи*) Хватит, Сергей, ораторствовать... Здесь не думская трибуна. Здесь провинциальный речной пароход и испуганные происходящим простые люди нашей Импе-

рии... (*супруге*) Можно мне закрыть окно? Ты совсем озябла... (*закрывает окно, внимательно всматриваясь в белёсую мглу снаружи*) Может в каюту?

Лепехина. (*отстраняясь, твёрдо*) Я буду здесь, с тобой!

Лепехина отходит к пианино и садиться на табурет.

Лепехин. Вы знаете, господа, я сейчас с большим интересом рассматривал это окно. Ведь если в него смотреть с палубы сюда, то моего места возле стола, где я вчера сидел перед покушением господина Струкова – совсем не видно! Как же он тогда мог прицельно стрелять!? И вот ещё вопрос – а в меня ли вчера велась стрельба? Не проще ли было зайти с носа и спокойно выстрелить в затылок через эти большие панорамные окна? Ах да, там ведь меня караулил наш вахмистр! (*Корчагину*) Вы, господин вахмистр, в момент стрельбы сидели на скамейке под окном или прохаживались?

Корчагин. Сидел на скамье.

Лепехин. (*направляясь к Маликову*) Николай Михайлович! Позвольте воспользоваться вашей папкой?

Маликов. Пожалуйста...

Лепехин. (*саясь за стол и раздвигая посуду*) Кстати, а где стюард?

Шилов. Боцман! Зверев! Где вы, чёрт вас дерит!? Почему посуда до сих пор не убрана?

Макаревич. (*глухо, издали*) Здесь, Василий Васильевич!

Сей момент спущусь к вам...

Чепчугов. *(всё это время стоявший в дверном проеме умывальной комнаты, Шилону)* Василий Васильевич! Позвольте, я больного проверю!?

Шилов. Проверяйте, вы здесь доктор!

Входит Макаревич.

Макаревич. Вызывали, Василий Васильевич!? Я того... Ждал, пока мальчонку из трюма позовут да на мачту пока слезает...

Шилов. Попили чаю, Александр Илларионович?

Макаревич. Так точно! Как вы приказывали...

Шилов. Не волнуйтесь, Александр Илларионович – я к вам без претензий... Что с туманом?

Макаревич. Спускается к третьей палубе, там уже редет... Мальчонка с мачты сказал что видел макушки деревьев... Солнце яркое, облаков на небе нет. Ясно...

Шилов. Отлично! Может ещё пол часа и будем готовиться к снятию с якоря... Вы Зверева не видели ли? Что-то задерживается...

Макаревич. Видеть не видел, а сквозь туман слышал... Сейчас подойти должны с буфетчиком...

Стук в дверь. Входят матрос Зверев и буфетчик Струмилов. Макаревич отошёл влево, в угол, к консоли.

Шилов. (*Струмилову, строго*) Я не вас вызывал! Убраться в салоне и стюард способен!

Простите, Василий Васильевич! Мы только что закончили кормить завтраком в буфетном салоне... Хохлов сейчас там убирается... А я здесь и сам порядок наведу-с! (*раздражённо*) Как угодно, только побыстрее! (*Макаревичу и Звереву*) Можете пока быть свободны!

Макаревич и Зверев уходят. Струмилов собрал на поднос часть чайных приборов и тоже вышел, неплотно притворив дверь. Шилов встал из кресла и прикрыл дверь плотнее. Перешёл и сел в торце стола, разглядывая рисунок Лепехина. Сзади подошёл и встал, смотря на рисунок Корчагин. Лепехин дорисовал схему каюты с отметками и повернул её к присутствующим.

Савельев. (*сдавленно*) Получается, что стрелять могли только в меня!?

Лепехин. Получается что именно так!

Русов. (*поднимаясь из-за стола, громко*) А кто тут у нас полевые цветы любит дамам дарить без спроса!?

Корчагин. (*резко бросившись из-за стола к дверям капитанской каюты*) А вот я сейчас...

Раздаётся громкий хлопок, со звоном вылетают стёкла в

салоне, помещение заполняется едким зеленоватым дымом.

Часть третья.

Над величественной рекой, петляющей между стиснутых с обеих сторон бесконечной череды островов, розовеет рассвет.

Помещение салон. Всё приведено в порядок настолько, насколько это вообще возможно после взрыва самодельной бомбы. За столом и по обеим сторонам от него, в ряд, наблюдая сквозь выбитые панорамные окна, сидят: Шилов, Лепехин, Русов и Савельев. Слева, возле входной двери замер стоящий Корчагин. Справа, на табурете, перед пианино сидит и играет спиной к зрителю Лепехина.

Правый боковой осветительный свет выпукло высвечивает все предметы и людей в салоне. Корчагин, Шилов, Лепехин и Русов курят.

Лепехина. (играет и поёт популярный в этот исторический период романс авторства Марии Яковлевны Пуаре-Свеишниковой)

Я ехала домой, душа была полна

Неясным для самой, каким-то новым счастьем.

Казалось мне, что все с таким участием,

С такую ласкою глядели на меня.

Я ехала домой... Двурогая луна

Смотрела в окна скучного вагона.
Далёкий благовест заутреннего звона
Пел в воздухе, как нежная струна...
Раскинув розовый вуаль,
Красавица-заря лениво просыпалась.
И ласточка, стремясь куда-то вдаль,
В прозрачном воздухе купалась.
Я ехала домой, я думала о вас,
Тревожно мысль моя и путалась, и рвалась,
Дремота сладкая моих коснулась глаз.
О, если б никогда я вновь не просыпалась...

Мужчины докурили. Лепехина повернулась от пианино.

Шилов. Вот сейчас, господа, мы повернём, и за скалой, что возвышается справа, – увидим аллювиальную долину устья Тагарской протоки, с деревенькой беспоповцев на берегу в подножии горы Шишка, на которой древними предками местных татар построена крепость. Когда освоитесь, рекомендую посетить... Открывается потрясающий вид на пойму реки в этих местах. И вообще, окрестности М. в изобилии наполнены всяческими древностями. При входе в устье протоки, под берегом деревеньки, нас встретит очень коварный порог, и мне необходимо будет подняться на мостик, так как на быстрине нашу разлюбезную «Прасковью» наверняка начнёт таскать из стороны в сторону, и никому

проводку в таком опасном месте я не доверю! И далее, пока поднимаемся вверх по протоке, до самого М. я больше вниз не спущусь... А посему предлагаю сейчас обсудить и определиться с той версией произошедшего с нами, которую мы, каждый по своей инстанции, будем докладывать наверх. *(оглядывая присутствующих)* Согласны ли вы со мной, господа?

Савельев. Господа! А ведь вчера я так и не дочитал до конца свою записку...

Всех присутствующих внезапно поразил неудержимый смех. Тихонько смеялась жена государственного преступника княгиня Лепехина. Смущённо улыбался, сдерживая приступы смеха командир парохода «Сибирь» Шилов. Радостно, неудержимо гоготал жандармский вахмистр Корчагин. Вздрагивал от смеха, смахивая слезу сам государственный преступник князь Лепехин. Истово, раскатисто хохотал бывший губернатор и бывший же депутат бывшей первой Государственной Думы учёный-философ князь Русов.

Шилов. Теперь уже и не дочитаете! Все бумаги разметало к чертям!

Лепехин. Ну что же... *(Шилову)* Скажите, Василий Васильевич! А этот ваш Чепчугов – он что, и правда так силён был в игре в шахматы?

Шилов. Ох, не то слово! Знаете, мы ведь с ним до седь-

мого года состояли в шахматном кружке, который вёл наш знаменитый Иван Тимофеевич Савенков... Однако вот кружок по отъезду Ивана Тимофеевича из К. в М. как-то распался... Вот кстати, а по приходу нашему в М. навещу-ка я его в музей, куда его от нас переманили... Он там директорствует. Музей, знаете ли знаменитый. Известнейший музей, можно сказать... И все ссыльные, которые в М. отбывают – библиотеку музейную никак не минуют! Вот и порекомендую вас Ивану Тимофеевичу... Так вот, с Чепчуговым я уже тогда играть стеснялся – он, видите ли, большинство членов кружка навывлет обыгрывал! Даже по телеграфной линии однажды с самим Михаилом Ивановичем Чигориным, за год до его смерти сыграл – и вчистую обыграл мэтра.

Лепехин. Тогда становится понятным, как наш фельдшер провернул такую сложнейшую комбинацию, последовательно вводя в игру, развивая и разменивая фигуры... Я думаю, что Чепчугов давно вынашивал замысел раздобыть денег на развитие своей собственной подпольной ячейки. Однако денег на это нужно немало, у большевиков одним из обязательных условий формирования региональной группы является наличие типографского станка для печати воззваний и разъяснительного материала. А стоит это недёшево, к тому же не так просто необходимое приобрести – оборот станков для оттисков и набор шрифтов обойдётся сейчас не менее полутора тысяч, притом попросят ликвидными ассигнациями либо золотом... И вот он узнаёт, я думаю что от

буфетчика, о плывущем на пароходе открытом векселе на крупную сумму – это наверняка ему представилось удачным шансом... Притом, Струмилов, наверняка и сам бы с удовольствием обналичил такой вексель, однако при всей его оборотистости такое дело не его ума – наблюдая за нашим буфетчиком мне ясно виделось, что он в своих честолюбивых планах наткнулся на стену из ограниченности своего интеллекта...

Русов. Здесь, Алексей, ты забираешься в дебри неоднозначности самого понятия интеллект! Мне нравится опубликованная в четвёртом году психометром Спирменом исследование о практическом разделении двух понятий – это индивидуальные особенности человека как можно эффективнее решать определённую задачу и общие способности к решению насущных задач...

Лепехин. Думаю, что фельдшер хорошо решал именно комплексно встающую на пути проблему...

Русов. Не соглашусь с тобой – если перед ним стояла проблема наличие денег – то комплексный подход спокойно давал решение без преступления законов! Говоря проще – раз он такой умный то стал бы богатым без риска...

Лепехин. *(смеясь)* Как ты всё упрощаешь, Сергей... Ну хорошо, выведем за скобки интеллект – но наш шахматист реализовывал решение внезапно возникшей задачи в условиях цейтнота, без подготовки и времени на раскачку – а значит уже имел инструмент для решения и готовые наборы

действий, а так же необходимый для этого ресурс.

К ресурсам можно отнести, например, настойки из выжимки трав, которые он готовил для Струмилова. Как талантливо была разыграна эта комбинация, господа! Поняв, что ему необходимо внимательно следить за развитием нашего расследования, наш шахматист просто подмешивает к обычному настою успокоительного повышающую кровяное давление неизвестную нам субстанцию, превращая то, что добавил буфетчик лоцману в чай в гремучую смесь – кровеносная система расслабляется и возбуждается одновременно, вызывая у похмельного пожилого человека явные симптомы приближающегося удара. Естественно, его вызывают к больному, а так как в таком состоянии переносить человека небезопасно то он гарантированно получает право присматривать за больным и за нашими действиями одновременно. Блестяще! И самое важное – что это никакой не экспромт – а хорошо продуманная акция...

Савельев. А зачем же в меня стрелять понадобилось!?

Корчагин. Я вот тоже не понимаю – анархист явственно пошёл на дело самостоятельно!

Лепехин. А вот и нет, господа! Мы были свидетелями великолепно разыгранной многоходовой задачи – не напрямую, а через потерявшего разум от жадности буфетчика Чепчугов спровоцировал Струмилова на террористический акт! Как, спросите вы меня – я думаю, что здесь сработала применяемая повсеместно членами рабочей партии тактика ис-

пользования в своих акциях террористического подполья так сказать «втёмную». Во первых, для опытного подпольщика, прошедшего даже теоретическую подготовку, основанную на пособиях, которые издавались и издаются за границей, выявить по некоторым характерным особенностям поведения и речи не составляет труда – свой своего видит издалека... Во вторых, наверняка Чепчугов и Струмилов после обсуждения шансов на реализацию векселя, договорились, что единственного, кто может помешать получить деньги в банке М. может тот, кто точно знает кому этот вексель передан – а это вы, Пётр Силантьевич – вас нужно устранить! И сделать это желательно чужими руками. Теми руками, что будут на ограниченной площади парохода неминуемо схвачены... Ведь так и произошло – бдительный вахмистр мгновенно среагировал на выстрел!

Лепехина. *(хлопая в ладоши)* Bravo, господин вахмистр! Bravo...

Русов. Действительно, господин Корчагин, реакция у вас отменная... А как вы отстаивали преступника перед его командиром! Один против вооружённых конвойных...

Корчагин. Ну, право же... Я был не один! Унтер Страхов меня отлично прикрыл!

Лепехина. А вспомните, как неожиданно появился фельдшер со своими цветами и начал их пристраивать под освещение заката!

Лепехин. Верно! Из-за угла обзора и падающего в салон

вечернего света вы, Пётр Силантьевич, были абсолютно затенены – и через манипуляции с отраженным светом от зеркал наш гроссмейстер блестяще решил эту проблему!

Шилов. (*задумчиво*) Какой удивительный человек...

Лепехин. Удивительно сыграли вы, Василий Васильевич! Почему же, вопреки здравому смыслу вы не распорядились после аварии посадить пассажиров на берег!?

Шилов. Угрозы пассажирам и пароходу не было! Подумаешь, налетели на мель – в навигацию это частое дело... Не привыкать.

Лепехин. Вот эта ошибка в расчётах и стоила им разоблачения. Ведь учтено было всё – и ротозейство матроса на носу. За день до этого, он так же отвлекался на приставания какого-то крестьянина из третьего класса. И мы сбили бакен. Легко предположить, что на выстрелы и шум у него над головой он будет отвлекаться!?! Мне кажется – легко! Остаётся только выбрать удобный момент, когда пароход будет проходить опасный участок – и спровоцировать шумное действие... А заодно и убрать помеху в виде держателя векселей... А тщеславного пьянчугу, которого, как и Струмилова, ваше Пароходство использовало для негласного надзора за командой и лично вами, мне кажется разговорить о предстоящих опасностях в фарватере было несложно...

Шилов. Знаете, господа... Может моя просьба покажется вам бесчестной, но если возможно – опишите в ваших рапортах и докладах роль Белова Василия Ильича в этом деле

как можно сильнее... Э-э, как бы это сказать...

Русов. Более выпукло, Василий Васильевич!?

Шилов. *(смущённо)* Да... Можно и так! Очень уж его присутствие в навигацию ослабляет мой авторитет у команды... Племянник его, рулевой – совсем меня как командира не воспринимает... И не нарываясь на скандал в Пароходстве поставить его на место я могу...

Корчагин. *(насмешливо)* Отчего не порадеть! Опосля моего доклада из канцелярии Губернатора лично по этому фрукту распорядятся...

Шилов. *(смущённо)* А вы на меня, вахмистр, обиды не таите! Не мог я по другому с вами тогда...

Корчагин. Ну что вы, Василий Васильевич! Я всё понимаю... И в ответ прошу вас всех, господа, о моём позорном заточении вместе с унтером Страховым уж вы, пожалуйста, нигде не упоминайте!

Шилов, Лепехин, Лепехина, Русов и Савельев. *(почти хором, не сговариваясь)* Обещаем, вахмистр!

Шилов. Ну-с, господа, мне пора на мостик... Сейчас к протоке «Быстрая» подойдём... К городской пристани М. по традиции подводит судно сам командир! *(закрывая дверь в салон)* Хочу заверить вас, что стар. меха Маликова я обо всём самым тщательнейшим образом проинструктирую!

Все присутствующие негромко, заговорщицки, довольные собой – засмеялись. Первым встал, поклонился и вышел ко-

мандир «Сибири» Шилов, за ним, неловко улыбаясь, горный инженер из династии золотопромышленников Савельев.

Русов. *(обняв за плечи подошедшую к нему сестру, Лепехину)* Ты идёшь, Алексей!?

Лепехин. А!? Сейчас... Вы идите...Мне собираться недолго...

Лепехина. *(властно)* Алекс! Недолго!

Князь Русов вместе с сестрой княгиней Лепехиной выходят из салона. Государственный преступник Лепехин поворачивается и внимательно смотрит на сопровождающего его к месту ссылки вахмистра транспортной жандармерии Корчагина.

Корчагин. *(смущённо)* Я, Ваше Сиятельство, сейчас... Одну минуты – и до каюты! Собраться нужно, во первых... А во вторых моего напарника вразумить согласно утверждённой нами сейчас директивы... *(помявшись под пристальным взглядом Лепехина)* С братом я вашим, Дмитрием Алексеевичем, стало быть... В сорок четвёртом Нижегородском Его Величества драгунском полку... Вместе служить довелось. До выхода моего в отставку... Я ведь этого дурака за Цесаревича саданул не просто так – при мне, за год до отставки его нашим шефом назначили... Это-ж, можно сказать – святое... Как знамя!

Лепехин. Понимаю...

Корчагин. Дмитрий Алексеевич моим эскадроном командовал... Он мне как отец... *(судорожно, от перехватывающего дыхание напряжения)* Да я за него... *(собралшись, ровно)* Ваш брат меня от трибунала спас! Я грешен – думал, что вы по судимости вашей... Недостойны брата – а потому мне неприятны... Однако-ж после пережитого я вас, Алексей Алексеевич... Я вас, Ваше Сиятельство...

Лепехин. *(обняв Корчагина и прижав к себе)* Я всё понимаю, Сергей Иннокентьевич! Я всё понимаю...

Корчагин. *(отстраняясь и высвобождаясь из объятий Лепехина)* Встретимся на сходнях, Алексей Алексеевич! *(щёлкнул каблуками)* Честь имею! *(повернулся и чеканной походкой вышел из салона)*

Лепехин повернулся и облокотился на поручни носового балкона. Стал слышен рокот паровой машины и частые шлепки приводных колёс по воде.

Макаревич. *(издалека)* Барсуков! Ядрить твою... Вперёд смотри... Не зевай! На Быстринской стремнине всегда кражи тащит...

Кода.

На низком носу парохода с коротким обрубленным бушпритом, на которой лапой накинута малый «адмиралтейский» якорь, широко расставив для устойчивости ноги пристально смотрит вдаль матрос-намётчик Барсуков. Спереди его окатывают брызгами пенные буруны. Сзади слышится монотонный размашистый гул паровой машины и глухие шлёпанья приводных колёс.

Маликов. *(издалека)* Намёт!

Барсуков кидает вперёд отмеченную равномерно повязанными узелками верёвку с грузиком на конце и сразу начинает вытягивать обратно.

Барсуков. Одиннадцать ровно! Скорость – восемь и пять! Буруны прямо!

Маликов. *(издалека)* Влево руля! Намёт влево!

Барсуков. *(бросая намёт влево по курсу и вытягивая назад)* Одиннадцать с половиной! Восемь и семь! Бурун – вправо!

Маликов. *(издалека)* Намёт влево!

Барсуков. *(бросая намёт вправо по курсу и вытягивая назад)* Двенадцать и три четверти! Восемь и пять! Бурун – вправо!

Маликов. *(издалека)* Разминулись!?

Барсуков. Разминулись!

Над освещённой ярким сентябрьским солнцем широкой рекой, вспененной на пороге возле большой богатой деревни на крутом берегу под конусовидной горой, стелется широкий шлейф густого белёсо-серого дыма, вырывающегося из перегретого котла, питающего паром натружено вращающую приводные колёса «сормовскую» машину. Белый колёсный двухпалубный пароход, тянувший на канате неуклюжую пузатую арестантскую баржу, медленно поднимаясь по течению втягивается в узкое устье протоки, зажатое с двух сторон крутыми обрывистыми берегами левой руки, покрытыми редким сосновым лесом. Грустный прощальный гудок раздаётся над поймой великой сибирской реки и медленно тает вместе с сдуваемым ветром дымом в бескрайней холмистой степи берега руки правой...

Минусинск, 2021 год.